6+

КСЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА БОНДАРЬ

ЕСЛИ ПОТЕРЯЕМСЯ — НАЙДЕМСЯ ПОД ОДНИМ НЕБОМ

21 ДЕНЬ. ТЫСЯЧИ ВОСПОМИНАНИЙ. ОДНА ИСТОРИЯ

Ксения Бондарь

Если потеряемся — найдемся под одним небом. 21 день. Тысячи воспоминаний. Одна история

https://litres.ru/74900188
ISBN 9785007162418

Аннотация

Двадцать один день в любимом лагере должен был стать ещё одной незабываемой сменой. Но возвращение в «Орлёнок» приносит Ксюше не только новые знакомства, но и встречу с прошлым, которое она так и не смогла отпустить.

Старые фотографии, забытые разговоры и воспоминания, которые у каждого свои, заставляют её заново взглянуть на историю дружбы, доверия и недосказанности.

А что, если иногда, чтобы найти друг друга, нужно сначала потеряться?

Содержание

Глава 1. Двадцать один день 5
Глава 2. Незнакомые знакомые 21
Глава 3. На краю фотографии 37
Глава 5. Правила, которые никто не объяснил 68
Глава 6. Семь минут до отбоя 84
Глава 7. Мы ведь были счастливы 99
Глава 8. Чужая переписка 115
Глава 9. Слишком много совпадений 135
Конец ознакомительного фрагмента. 137

Если потеряемся — найдемся под одним небом 21 день. Тысячи воспоминаний. Одна история

Ксения Евгеньевна Бондарь

© Ксения Евгеньевна Бондарь, 2026

ISBN 978-5-0071-6241-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕСЛИ ПОТЕРЯЕМСЯ —
НАЙДЁМСЯ ПОД ОДНИМ НЕБОМ

Глава 1. Двадцать один день

«Некоторые места остаются с тобой даже тогда, когда ты давно уехала. Ты можешь сменить город, школу, друзей, привычки. Можешь убедить себя, что всё осталось в прошлом. Но стоит тебе снова оказаться там — и становится понятно: некоторые истории ты так и не закончила».

Я обещала себе, что больше не буду возвращаться к прошлому.

По крайней мере, не сегодня.

— Ксюша, ты вообще меня слушаешь?

Я моргнула и посмотрела на маму.

— Да.

— И что я сказала?

— Что мне нужно хорошо питаться, тепло одеваться и не забывать звонить?

Мама вздохнула.

— Я сказала, чтобы ты проверила документы.

— А-а. Ну, это тоже.

Она покачала головой, но улыбнулась.

Я снова опустила глаза на телефон.

На экране светилось сообщение, которое я открывала уже раз десять.

ВДЦ «Орлёнок». Д/Л «Звёздный». Двадцать один день.

Двадцать один день.

Когда-то я могла бы перечислить всё, что успею сделать за это время. Познакомиться с половиной лагеря, найти новых друзей, придумать название отряда, ввязаться в какое-нибудь мероприятие, поссориться с кем-нибудь из-за ерунды, а через полчаса уже смеяться над этим вместе.

Я знала, каково это — приезжать в лагерь и чувствовать, что впереди целая жизнь.

Но сейчас всё было немного иначе.

Потому что в этот раз я возвращалась не только в «Орлёнок».

Я возвращалась туда, где однажды оставила слишком много несказанных слов.

— Ты волнуешься? — спросила мама.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Ксюша.

— Мам, ну правда. Всё нормально. Я просто хочу поскорее приехать.

Это было правдой. Только не всей.

Я действительно хотела поскорее приехать. Хотела увидеть знакомые места, услышать шум на площади, снова почувствовать этот странный лагерный ритм, когда дни пролетают так быстро, что ты не успеваешь понять, какой сегодня день недели.

Я скучала по «Орлёнку».

Очень.

Но существовала одна небольшая проблема.

Я не знала, кого встречу там.

И ещё меньше я знала, что почувствую, если встречу именно её.

— Ты же понимаешь, что это не навсегда? — тихо сказала мама, когда мы остановились у входа.

Я посмотрела на неё.

— Мам, я еду на смену, а не эмигрирую.

— Я знаю. Но ты так ждала этой поездки, что теперь сама себя накручиваешь.

Я ничего не ответила.

Она обняла меня на прощание и поправила воротник моей куртки.

— Отдыхай. Знакомься с людьми. Не пытайся всё контролировать.

— Я не пытаюсь всё контролировать.

Мама посмотрела на меня.

— Хорошо, — вздохнула я. — Иногда пытаюсь.

— Вот и постарайся иногда просто жить.

Я кивнула, подхватила чемодан и пошла к автобусу.

Не оглядываться было сложно.

Но я всё-таки не оглянулась.

* * *

Автобус оказался почти заполненным.

В проходе стояли чемоданы, на сиденьях лежали рюкзаки, а несколько человек уже успели познакомиться и разговаривали так, будто приехали одной компанией.

Я поднялась по ступенькам, придерживая чемодан, и остановилась.

— Так, — пробормотала я себе под нос. — Главное — найти место, а потом можно будет начинать новую жизнь.

— Звучит серьёзно.

Я повернула голову.

Парень, стоявший рядом, придерживал дверь и смотрел на меня с едва заметной усмешкой.

— Ты всегда комментируешь чужие разговоры с собой или мне сегодня повезло? — спросила я.

— Только когда разговор достаточно интересный.

— Тогда тебе явно не повезло. Я обычно гораздо интереснее.

— О, я уже заметил.

Я посмотрела на него внимательнее.

Незнакомец. Примерно моего возраста. Рюкзак на одном плече, телефон в руке и выражение лица человека, который совершенно не сомневается в собственном остроумии.

То есть потенциальная проблема.

— Ты проходить собираешься? — спросил он. — Или мы так и будем стоять и оценивать друг друга?

— Я оценила. Пока результат сомнительный.

— Взаимно.

Он пропустил меня вперёд.

Я протиснулась между сиденьями, нашла свободное место и устроила рюкзак на коленях. Чемодан удалось пристроить в багажное отделение с помощью ещё одного мальчика, который, судя по всему, уже успел помочь половине автобуса.

Когда я вернулась, незнакомец сидел через проход.

Конечно.

Потому что вселенная не могла просто дать мне спокойно доехать.

Автобус постепенно заполнялся. Кто-то искал зарядку, кто-то фотографировался на фоне автобуса, а девушка впереди пыталась выяснить, можно ли поменяться местами, потому что она «не переносит окна».

Я достала телефон, чтобы написать маме, что села.

И вдруг услышала:

— Слушай, а ты раньше здесь была?

Я подняла глаза.

Это был тот самый парень.

— Где?

— В «Орлёнке».

Я замерла буквально на секунду.

— Была.

— Давно?

— Достаточно.

— Понятно.

Он почему-то не стал задавать следующий вопрос.

И это было даже страннее, чем если бы стал.

— А ты? — спросила я.

— Тоже был.

— И как?

— Что именно?

— «Орлёнок».

Он задумался, словно я задала ему невероятно сложный вопрос.

— Посмотрим, каким он будет в этот раз.

Я отвела взгляд к окну.

Посмотрим, каким он будет в этот раз.

Почему-то эта фраза зацепилась за меня.

Наверное, потому что я сама думала примерно о том же.

Автобус тронулся.

Кто-то радостно закричал, кто-то начал снимать видео, а я смотрела, как вокзал медленно исчезает за окном.

Двадцать один день.

Я повторила это про себя, словно число могло что-то объяснить.

— Кстати, — снова подал голос парень.

Я повернулась к нему с видом человека, которому уже заранее не нравится продолжение.

— Что?

— Дима.

— Что Дима?

— Меня так зовут.

— Поздравляю.

Он рассмеялся.

— А тебя?

Я помедлила.

— Ксюша.

— Приятно познакомиться, Ксюша.

— Не торопись с выводами.

— Постараюсь.

Я отвернулась к окну, скрывая улыбку.

Ладно. Возможно, не такая уж и проблема.

Пока что.

* * *

Я не заметила, как уснула.

Проснулась от того, что автобус остановился, кто-то впереди громко спросил, долго ли ещё ехать, а мой телефон соскользнул с коленей.

Я поймала его в последний момент.

На экране было новое сообщение.

От мамы:

«Как ты? Уже познакомилась с кем-нибудь?»

Я быстро набрала:

«Да. С одним очень самоуверенным человеком».

Потом подумала и добавила:

«Всё хорошо».

Отправив сообщение, я убрала телефон.

— Это про меня? — спросил голос справа.

Я медленно повернулась.

Дима смотрел на меня с таким выражением лица, будто только что выиграл какое-то соревнование.

— Не льсти себе.

— Значит, про другого самоуверенного человека?

— Возможно, про целую группу таких людей.

— Надеюсь, я у них председатель.

— Вот уж нет.

— Почему?

— У тебя слишком большое самомнение для председателя. Тебе сразу нужно выдавать отдельную должность.

Он приложил руку к груди, словно собирался произнести речь.

— Например?

Я задумалась.

— Главный по раздражению окружающих.

— Отлично. Считай, что я уже назначен.

Я покачала головой и снова отвернулась к окну.

Впервые за всё утро мне стало немного легче.

Может быть, мама была права. Может быть, мне действительно стоило перестать заранее бояться всего, что могло произойти.

В конце концов, я ещё даже не приехала.

Я не знала, кто окажется в моём отряде. Не знала, с кем подружусь. Не знала, сколько раз успею поссориться с Димой

и пожалею ли вообще, что с ним познакомилась.

И уж точно не знала, что через несколько часов увижу человека, которого когда-то считала самым близким на свете.

Человека, с которым у меня осталось слишком много вопросов.

Но пока я смотрела в окно и слушала, как Дима спорит с кем-то впереди о музыке, мне казалось, что всё самое сложное осталось позади.

Как же я ошибалась.

* * *

Когда автобус наконец остановился, никто не вскочил с места так быстро, как я.

— Спокойнее, — заметил Дима, поднимаясь следом. — Нас вроде не высаживают в открытое море.

— Ты не понимаешь. Я столько ждала, что теперь имею право первой выйти.

— Железная логика.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— А я принимаю его как комплимент.

Я вытащила рюкзак с полки и направилась к выходу.

И вот тогда я увидела его.

Не лагерь целиком — сначала только знакомую табличку, людей с чемоданами, суету и яркие пятна одежды. Кто-то звал ребят собраться вместе, кто-то пытался найти свою сумку, кто-то уже фотографировал приезд.

Обычный лагерный хаос.

Тот самый.

Я остановилась на ступеньках автобуса.

Ветер принёс запах моря — или, может быть, мне просто очень хотелось его почувствовать. Впереди были знакомые корпуса, дорожки и места, которые я помнила лучше, чем некоторые улицы дома.

Я снова была здесь.

И почему-то мне захотелось одновременно рассмеяться и расплакаться.

— Эй, — раздалось сзади. — Ты собираешься спускаться? Или решила открыть новую традицию и жить в автобусе?

Я быстро спустилась.

— Просто любуюсь пейзажем.

Дима посмотрел в ту же сторону.

— Красиво.

— Ага.

На несколько секунд мы замолчали.

А потом кто-то громко объявил, что всем нужно собраться возле сопровождающих.

Я поправила рюкзак и пошла к остальным.

Первые минуты прошли в суматохе. Нам объясняли, куда поставить вещи, где ждать распределения и почему не стоит бросать документы в самый дальний карман чемодана. Я слушала вполуха, стараясь запомнить лица вокруг.

Девушка с двумя косами уже познакомилась с тремя ре-

бятами. Высокий мальчик пытался поднять сразу два чемодана и убеждал всех, что ему не тяжело. Кто-то смеялся над шуткой, которую я не услышала.

А я думала о том, что сейчас всё начнётся.

Новые знакомства.

Новые воспоминания.

Новая смена.

— Ты чего такая серьёзная? — спросил Дима, оказавшись рядом.

— Думаю.

— Опасное занятие.

— Для некоторых — особенно.

— Это ты сейчас на меня намекаешь?

— Если узнал себя, значит, совесть есть.

Он рассмеялся.

Я впервые за долгое время рассмеялась вместе с кем-то, кого едва знала, и поймала себя на мысли, что, возможно, всё действительно получится.

Мне хотелось в это верить.

Очень хотелось.

* * *

Когда нас начали распределять по отрядам, я вдруг почувствовала, как внутри всё сжалось.

До этого момента «Орлёнок» существовал для меня как большое знакомое место, куда я возвращалась. Теперь он снова становился моей маленькой вселенной на двадцать

один день.

Отряд. Комната. Вожатые. Общие дела. Люди, с которыми через неделю будешь разговаривать так, словно знаком с ними всю жизнь.

И люди, с которыми, возможно, не успеешь сказать самое важное.

Я отогнала последнюю мысль.

— Ксюша? — позвали меня.

Я обернулась.

Рядом стояла девушка с открытой улыбкой и внимательными глазами.

— Да?

— Я Аня. Кажется, мы в одном отряде.

— Кажется, это хорошая новость.

— Надеюсь. А то я уже начала думать, что проведу всю смену, разговаривая с собственным чемоданом.

— Не переживай. Мой чемодан тоже не самый интересный собеседник.

Аня засмеялась.

И я почувствовала, как напряжение понемногу отступает.

Мы разговорились, пока остальные собирались. Аня оказалась из тех людей, с которыми легко начать беседу: она не боялась задавать вопросы, не делала долгих пауз и могла пошутить над собой.

Она спросила, была ли я раньше в «Орлёнке», что мне нравится делать в лагере и чего я жду от смены.

На последний вопрос я ответила не сразу.

— Хочу, чтобы она получилась хорошей.

— Это всё?

— Пока да.

Аня не стала допытываться.

И я была ей за это благодарна.

Наконец нас повели к корпусу. Я шла вместе с остальными, слушала разговоры, запоминала лица и старалась не думать о том, что где-то среди этих людей может оказаться Вика.

Я убеждала себя, что всё будет нормально.

Что мы можем просто поздороваться.

Что двадцать один день — это достаточно много, чтобы привыкнуть к новой реальности.

Что прошлое не обязано повторяться.

Я почти поверила в собственные слова.

Пока мы не остановились возле корпуса.

— Ребята, подождите минутку! — позвал один из вожатых.

Все замедлили шаг.

Я подняла голову.

И увидела её.

Вика стояла чуть поодаль, рядом с несколькими ребятами. Волосы стали немного длиннее, чем я помнила. На плече висела сумка, а в руке она держала телефон.

Она что-то говорила девушке рядом и улыбалась.

Так легко.

Так привычно.

Так, словно ничего никогда не случалось.

Я забыла, что собиралась сделать.

Забыла, что хотела сказать Ане.

Даже шум вокруг будто отдалился.

Вика повернула голову.

Наши взгляды встретились.

Её улыбка исчезла не сразу. Сначала она просто замолчала, словно потеряла нить разговора. Потом её взгляд задержался на мне.

Я не знала, что она увидела в моём лице.

Растерянность? Обиду? Злость?

Наверное, всё сразу.

Мне захотелось подойти к ней. Спросить, как она. Сказать, что я скучала. Или, наоборот, пройти мимо, показать, что мне всё равно.

Но я не сделала ничего.

Потому что за все эти месяцы я так и не придумала, что говорить человеку, который когда-то знал о тебе абсолютно всё, а теперь, возможно, предпочёл бы сделать вид, что вы незнакомы.

Вика первой отвела взгляд.

Она снова повернулась к своей собеседнице.

И этого оказалось достаточно, чтобы внутри меня что-то неприятно кольнуло.

— Ксюша? — тихо спросила Аня.

Я резко посмотрела на неё.

— Что?

— Ты побледнела. Ты её знаешь?

Я перевела взгляд туда, где только что стояла Вика.

— Да, — ответила я.

Голос прозвучал чужим.

— Мы раньше дружили.

Аня ничего не сказала.

И я была благодарна ей за это.

Потому что слово «дружили» оказалось неожиданно тяжёлым.

Не «дружим».

Не «мы подруги».

Даже не «мы поссорились».

Просто дружили.

Будто наша история уже закончилась и осталась где-то далеко, вместе с фотографиями, письмами и обещаниями, которые когда-то казались вечными.

— Пойдём? — спросила Аня.

Я кивнула.

Мы направились к корпусу.

Я старалась смотреть вперёд, но всё равно чувствовала, что Вика где-то рядом. Что мы снова находимся в одном месте, дышим одним воздухом и, возможно, будем каждый день встречаться на одних и тех же дорожках.

Двадцать один день.

Ещё утром это число казалось мне обещанием чего-то хорошего.

Теперь оно напоминало о том, сколько времени у меня будет, чтобы решить, готова ли я наконец узнать правду.

Я не знала, что именно произошло в тот день, когда наша дружба начала разрушаться.

Не знала, кто первым промолчал.

Не знала, какие слова были пересказаны, какие забыты, а какие так и не прозвучали.

Я знала только одно.

Вика была здесь.

И я тоже.

А значит, история, которую я столько месяцев пыталась оставить в прошлом, только что началась заново.

И я пока даже не подозревала, сколько людей помнят её совсем иначе, чем я.

Глава 2. Незнакомые знакомые

Самое сложное в возвращении туда, где ты когда-то был счастлив, — не сами воспоминания.

Самое сложное — увидеть, что жизнь продолжалась и без тебя.

Люди знакомились, дружили, ссорились, мирились. Кто-то возвращался на новые смены, кто-то уезжал навсегда. Появлялись новые фотографии, новые шутки, новые истории, в которых тебя уже не было.

А ты приезжаешь обратно и вдруг понимаешь, что место осталось прежним только в твоей памяти.

— Ксюша, ты идёшь?

Я остановилась посреди коридора.

Аня стояла возле открытой двери и смотрела на меня так, словно уже несколько минут пыталась понять, почему я внезапно решила стать частью интерьера.

— Да, иду.

— Ты это говоришь уже второй раз.

— Зато последовательно.

— Пойдём, последовательная ты наша.

Я улыбнулась и вошла в комнату.

Первое, что я заметила, — три кровати, несколько шкафчиков, большое окно и чемодан, который кто-то уже успел поставить посреди прохода.

Второе — девушку, сидевшую на нижней кровати и старательно распутывавшую наушники.

Третье — то, что на моей кровати лежала чужая толстовка.

— Прекрасно, — сказала я. — Я ещё не успела заселиться, а моё имущество уже захвачено.

Девушка подняла голову.

— Ой! Это твоё место?

— Если только здесь не открыли филиал чужого гардероба, то да.

Она быстро убрала толстовку.

— Прости! Я думала, это свободная кровать.

— Ничего страшного. Я Ксюша.

— Соня.

Мы обменялись улыбками.

— А я Аня, — представилась моя новая знакомая. — Мы уже познакомились по дороге.

— А, так это ты та самая Ксюша, которая приехала с огромным чемоданом?

Я посмотрела на свой чемодан.

Потом на Соню.

— Во-первых, он не огромный. Во-вторых, там исключительно необходимые вещи.

— Например?

— Например, ещё один чемодан.

Аня засмеялась.

Соня тоже.

И вот так, совершенно неожиданно, у меня появился первый маленький момент новой смены, который не хотелось анализировать, разбирать на детали или сравнивать с прошлым.

Просто смешно.

Просто хорошо.

Я поставила чемодан у шкафа и начала раскладывать вещи.

— Ты раньше была в «Орлёнке»? — спросила Соня.

— Да.

— В «Звёздном»?

— Тоже да.

— Тогда ты должна знать, где здесь лучше всего гулять вечером!

— Зависит от того, что ты понимаешь под «лучше всего».

— Ну, чтобы красиво, спокойно и чтобы нас не прогнали через пять минут.

— Тогда у меня есть несколько вариантов.

Я улыбнулась.

Рассказывать о любимых местах было легко. Гораздо легче, чем отвечать на вопросы о людях, с которыми я когда-то там бывала.

— А ты, получается, много раз приезжала? — уточнила Аня.

— Несколько.

— И каждый раз тяжело уезжать?

Я замерла с футболкой в руках.

— Да, — ответила я после короткой паузы. — Каждый раз.

Это была одна из тех вещей, которые невозможно объяснить человеку, ни разу не пережившему последний день смены.

Ты можешь сколько угодно говорить себе, что познакомился с ребятами всего три недели назад. Что вы ещё увидитесь. Что жизнь продолжается.

Но когда стоишь с чемоданом у автобуса, а люди, которые ещё вчера были частью каждого твоего дня, остаются позади, все эти разумные объяснения куда-то исчезают.

— Я хочу в этот раз не грустить в последний день, — заявила Соня.

— Удачи, — сказала я.

— Почему?

— Потому что мы все так говорим.

Аня подняла палец.

— Я, например, вообще не собираюсь плакать.

— Запомним, — сказала Соня.

— И ты тоже?

— Я ничего не обещаю.

Мы снова рассмеялись.

И на какое-то время мне удалось забыть о том, что за пределами комнаты существовал человек, с которым я не знала,

как разговаривать.

* * *

Через некоторое время нас позвали собираться.

Знакомство с отрядом оказалось примерно таким, каким я его и представляла: много имён, которые невозможно запомнить с первого раза, несколько человек, пытающихся шутить одновременно, и неизбежное:

— Подождите, а тебя как зовут?

Я старалась запоминать всех, хотя довольно быстро поняла, что мой мозг решил сохранить исключительно информацию о том, где находится столовая и во сколько нужно вернуться в корпус.

Среди ребят оказался Кирилл — высокий парень с привычкой отвечать на вопросы так, будто он уже заранее знает, что разговор закончится спором.

Егор, напротив, сначала показался мне спокойным. Он больше слушал, чем говорил, но иногда вставлял замечания, от которых остальные начинали смеяться.

Артём всё время что-то искал в рюкзаке.

— Что потерял? — спросила его Соня.

— Пока не знаю.

— В смысле?

— Я уверен, что потерял что-то важное. Но если вспомню что именно, будет проще искать.

— Гениально, — заметила я.

— Спасибо. Я долго тренировался.

В какой-то момент к нашей группе подошла девушка, с которой я раньше не была знакома.

— Привет! Я Полина.

— Ксюша.

— Ты тоже в нашей комнате?

— Нет, я с Аней и Соней.

— А, понятно. Тогда увидимся на мероприятиях!

Она убежала прежде, чем я успела ответить.

— Мне нравится её энергия, — сказала Аня.

— Мне тоже, — согласилась я. — Особенно то, что она успела познакомиться со мной быстрее, чем я поняла, кто она.

— Не переживай. К концу смены мы будем узнавать друг друга даже по шагам.

Я посмотрела на неё.

— Это звучит немного пугающе.

— Добро пожаловать в лагерь.

И почему-то именно в этот момент я окончательно почувствовала, что смена началась.

Не когда автобус остановился.

Не когда я увидела знакомую табличку.

И даже не когда встретила Вику.

А когда стояла среди людей, которых почти не знала, и уже смеялась над их шутками.

Наверное, именно так всё и происходит.

Новая жизнь не начинается с торжественного объявления.

Она просто однажды незаметно занимает место старой.

* * *

Первую половину дня мы провели в знакомстве с лагерем и организационных делах.

Нас водили по территории, объясняли, где собираться, куда идти по расписанию и почему не стоит опаздывать, даже если кажется, что до нужного места всего две минуты.

Я слушала и ловила себя на том, что помню некоторые повороты.

Вот дорожка.

Вот место, где мы когда-то фотографировались.

Вот уголок, возле которого я однажды долго разговаривала с Викой.

Я тут же отвела взгляд.

Не сегодня.

Я приехала сюда не для того, чтобы целыми днями прокручивать в голове старые воспоминания.

По крайней мере, я очень хотела в это верить.

— Ксюша!

Я обернулась.

Аня махнула мне рукой.

— Ты опять отстала!

— Я не отстала. Я изучаю местность.

— Конечно. Разведка?

— Секретное задание.

— Тогда передай разведке, что мы идём обедать.

Я ускорила шаг.

И почти столкнулась с Димой.

Он успел отступить в сторону, а я едва не наступила ему на ногу.

— Осторожнее, — сказал он.

— Ты почему всегда возникаешь именно там, где я иду?

— Возможно, потому что ты смотришь куда угодно, кроме дороги.

— Возможно, потому что ты ходишь слишком много.

— Это вообще как связано?

— Не знаю. Но звучало убедительно.

Дима рассмеялся.

— Слушай, ты всегда такая?

— Какая?

— У тебя на любой вопрос готов ответ, даже если он совершенно не связан с темой.

Я задумалась.

— Это талант.

— Теперь понятно, почему ты так уверенно разговариваешь с собственным чемоданом.

— Он хотя бы не задаёт глупых вопросов.

— Передай ему, что я обиделся.

— Передам. Он обещал больше с тобой не разговаривать.

— Жестоко.

— Жизнь вообще несправедлива.

Мы пошли в сторону столовой вместе с остальными.

Разговаривать с Димой оказалось подозрительно легко.

Не потому, что он был каким-то невероятным человеком, а потому, что рядом с ним мне не приходилось каждую секунду думать о том, как выгляжу со стороны.

Я могла ответить резко, пошутить, возразить — и не боялась, что он тут же решит, будто я его ненавижу.

Это было непривычно.

И немного приятно.

Но я решила не делать из этого никаких выводов.

Во-первых, мы знакомы меньше суток.

Во-вторых, он всё ещё раздражал меня примерно каждые три минуты.

В-третьих, у меня были дела поважнее.

Например, понять, как пережить двадцать один день в одном лагере с Викой.

* * *

После обеда нам дали немного свободного времени.

Аня и Соня решили разобрать вещи до конца, а я вышла прогуляться.

Мне хотелось побыть одной.

Не потому, что новые знакомые мне не нравились. Наоборот, с ними было хорошо.

Просто иногда, когда вокруг слишком много людей, собственные мысли становятся ещё громче.

Я шла по дорожке, разглядывая знакомые места, и старалась не останавливаться слишком надолго.

Получалось плохо.

В «Орлёнке» воспоминания буквально жили на каждом шагу.

Я могла вспомнить целый разговор, просто увидев скамейку.

Могла услышать в голове чей-то смех, проходя мимо корпуса.

Могла представить, как мы с Викой когда-то спорили о совершенно бессмысленной вещи, а потом смеялись так сильно, что не могли нормально говорить.

Тогда я была уверена, что у нас впереди ещё много смен.

Что мы обязательно вернёмся.

Что даже если когда-нибудь поссоримся, то всё равно найдём способ помириться.

Мы ведь знали друг друга лучше всех.

Разве могли мы не разобраться?

Я остановилась.

Нет.

Я не собиралась снова это делать.

Не собиралась искать объяснения там, где пока не готова их услышать.

Я уже приехала. Я уже встретила Вику. Я уже познакомилась с ребятами.

Теперь нужно было просто прожить эту смену.

День за днём.

* * *

— Ксюша?

Я обернулась так резко, что чуть не выронила телефон.

Передо мной стояла Вика.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Я успела заметить, что она изменилась. Не настолько, чтобы я не узнала её, но достаточно, чтобы понять: за то время, пока мы не общались, у неё появилась жизнь, о которой я ничего не знала.

Новые привычки.

Новые люди.

Новые воспоминания.

И, возможно, новые секреты.

— Привет, — сказала она.

Всего одно слово.

Когда-то мы могли разговаривать часами. Обсуждать всё подряд, перескакивать с одной темы на другую, смеяться над случайными фразами и продолжать разговор даже тогда, когда обе уже устали.

Теперь между нами стояло простое «привет», и я не знала, что добавить.

— Привет, — ответила я.

Вика поправила ремешок сумки.

— Ты давно приехала?

Я чуть не рассмеялась.

Не потому, что вопрос был смешным.

Просто она действительно спросила меня, давно ли я при-

ехала, хотя мы обе прекрасно знали, что приехали сегодня.

— Сегодня, — ответила я.

— А. Ну да.

Она отвела взгляд.

Я могла бы спросить, как у неё дела.

Могла бы спросить, как прошли последние месяцы.

Могла бы сказать, что иногда вспоминала нашу дружбу.

Но в голове почему-то не находилось ни одной фразы, которая не звучала бы либо слишком холодно, либо слишком отчаянно.

— Ты в каком отряде? — спросила Вика.

Я назвала номер.

Она кивнула.

— Понятно.

Снова пауза.

В какой-то момент мне захотелось сказать что-нибудь резкое. Например, спросить, почему она разговаривает со мной так, будто мы случайные знакомые.

Но я не стала.

Потому что не знала, что услышу в ответ.

А иногда неизвестность пугает сильнее неприятной правды.

— Ладно, мне пора, — наконец сказала Вика.

— Хорошо.

Она сделала несколько шагов, затем остановилась.

Я невольно задержала дыхание.

Сейчас она обернётся.

Сейчас скажет что-нибудь ещё.

Сейчас мы наконец начнём нормальный разговор.

Но Вика лишь поправила сумку и пошла дальше.

Я смотрела ей вслед, пока она не скрылась за поворотом.

И только тогда поняла, что всё это время сжимала телефон так сильно, что у меня заболели пальцы.

* * *

Вечером в комнате было шумно.

Соня рассказывала какую-то историю, Аня пыталась найти зарядку, а я сидела на кровати и смотрела на экран телефона.

Новых сообщений не было.

Я открыла галерею.

Не знаю зачем.

Наверное, просто хотела проверить, не осталось ли там что-нибудь, что я забыла удалить.

Пальцы сами листали фотографии.

Дом.

Школа.

Друзья.

Лагерные смены.

Море.

И вдруг — знакомая фотография.

Мы с Викой стояли рядом, обнявшись за плечи. Обе улыбались, а за нами виднелась знакомая территория «Звёздно-

го».

Я долго смотрела на экран.

Потом увеличила фотографию.

Не лица.

Не наши улыбки.

Фон.

У самого края кадра стоял человек. Фотография была сделана давно, и раньше я никогда не обращала на него внимания.

Теперь мне показалось, что я знаю эту куртку.

Я увеличила изображение ещё сильнее, но качество стало слишком плохим.

Человек был почти неразличим.

Я нахмурилась.

Почему мне кажется, что я должна помнить, кто это?

— Ксюша, ты чего зависла? — спросила Аня.

Я быстро заблокировала телефон.

— Ничего. Старую фотографию нашла.

— Хорошую?

Я посмотрела на погасший экран.

— Не знаю.

И это была правда.

Я не знала, почему именно эта фотография заставила меня остановиться.

Не знала, кто стоял на заднем плане.

Не знала, почему мне вдруг захотелось вспомнить день,

когда она была сделана.

Но впервые за долгое время мне показалось, что прошлое — это не только то, что я помню.

Возможно, там осталось что-то ещё.

Что-то, чего я тогда не заметила.

Я снова открыла фотографию.

Увеличила.

Посмотрела на человека в углу.

И вдруг вспомнила одну фразу.

Сказанную кем-то в тот день.

Я не могла вспомнить, кто именно её произнёс.

Не могла восстановить весь разговор.

Только несколько слов:

«Главное, чтобы она не узнала».

Я застыла.

Кто-то засмеялся за моей спиной.

Соня продолжала рассказывать историю, Аня наконец нашла зарядку, за окном слышались голоса ребят.

Обычный первый вечер смены.

А я сидела на кровати и смотрела на старую фотографию, пытаясь понять, почему фраза, которую я, возможно, просто придумала себе, вдруг показалась такой настоящей.

Я не знала, относилась ли она к Вике.

Не знала, была ли вообще сказана вслух.

И не знала, что именно я пыталась вспомнить.

Но одно я понимала точно.

Я приехала в «Орлёнок», думая, что мне придётся разобраться только в собственных чувствах.

А теперь у меня появился первый вопрос.

И почему-то я была уверена, что это только начало.

Глава 3. На краю фотографии

В ту ночь я почти не спала.

Нет, не потому, что в комнате кто-то храпел, разговаривал во сне или решил в три часа ночи устроить генеральную уборку. Хотя, учитывая первый день смены, я бы уже ничему не удивилась.

Просто я не могла перестать думать о фотографии.

Я лежала на кровати, смотрела в потолок и пыталась вспомнить, когда именно мы с Викой её сделали.

Это была не одна из тех фотографий, которые ты случайно находишь через несколько лет и думаешь: «Боже, что у меня с причёской?»

Нет.

Я помнила тот день.

По крайней мере, мне казалось, что помнила.

Тёплый вечер. Мы с Викой стояли рядом, обнявшись за плечи. Она смеялась над чем-то, что я сказала, а я пыталась сделать серьёзное лицо для фотографии, но в итоге тоже рассмеялась.

Всё было хорошо.

По-настоящему хорошо.

Именно поэтому мне было так странно видеть на заднем плане человека, которого я не могла вспомнить.

Я повернулась на бок и осторожно достала телефон.

На часах было 02:17.

— Прекрасно, — прошептала я. — Первый день смены, а я уже расследую собственное прошлое. Осталось только завести доску с ниточками.

Я открыла галерею.

Фотография всё ещё была там.

Я увеличила изображение, пытаясь рассмотреть человека у края кадра. Светлая куртка, тёмные брюки, немного наклонённая голова.

Лица почти не было видно.

Я попробовала открыть сведения о фотографии.

Дата.

Место.

Время.

Ничего неожиданного.

И всё же я долго смотрела на экран, словно он должен был сообщить мне что-то ещё.

«Главное, чтобы она не узнала».

Откуда взялись эти слова?

Я помнила их слишком отчётливо для случайной мысли. Но стоило попытаться восстановить разговор целиком, как всё рассыпалось.

Голоса смешивались.

Лица исчезали.

Оставалась только фраза.

И ощущение, что я упустила что-то важное.

— Ксюша?

Я едва не уронила телефон.

Аня приподнялась на локте.

— Ты чего не спишь?

— Не хочется.

Она посмотрела на часы.

— В два ночи?

— У меня сложные отношения со временем.

— А у времени с тобой?

— Оно меня не понимает.

Аня тихо рассмеялась и снова улеглась на подушку.

— Ладно. Только не начинай ночью философствовать вслух. Я хочу хотя бы один раз поспать на смене нормально.

— Ничего не обещаю.

Я заблокировала телефон.

Но заснула только ближе к утру.

* * *

— Я официально ненавижу утро.

Это было первое, что я сказала, когда открыла глаза.

— Доброе утро, — отозвалась Соня.

— Не провоцируй меня.

— Я просто поздоровалась!

— Именно. Слишком бодро.

Аня сидела на кровати и пыталась заплести волосы, одновременно читая сообщения в телефоне.

— У нас сегодня мероприятия, — сообщила она. — По-

том какое-то знакомство отрядов, а вечером, кажется, общее дело.

— Прекрасно. У меня будет много возможностей не спать.

— Ты правда плохо спала? — спросила Соня.

Я замолчала на секунду.

— Немного.

— Из-за чего?

Я могла сказать правду.

Показать фотографию.

Рассказать о фразе.

Но почему-то не захотела.

Не потому, что не доверяла Ане или Соне. Я просто сама пока не понимала, что именно собираюсь им рассказать.

— Да так. Думала о всякой ерунде.

Аня посмотрела на меня чуть внимательнее, но расспрашивать не стала.

И я снова была ей благодарна.

* * *

После завтрака нас собрали вместе.

Вожатые объясняли расписание, рассказывали о предстоящих мероприятиях и пытались добиться того, чтобы все запомнили, где и когда нужно находиться.

Судя по лицам некоторых ребят, задача была практически невыполнимой.

— Давайте договоримся, — сказал Денис. — Если мы собираемся в определённое время, значит, мы собираемся в

определённое время. Не через пять минут, не после того, как вы допьёте чай, и не когда ваш друг наконец найдёт вторую кроссовку.

— А если он её потерял? — спросил Кирилл.

— Тогда у него есть время до сбора, чтобы найти.

— А если не найдёт?

— Кирилл, я начинаю подозревать, что это твоя кроссовка.

Отряд рассмеялся.

Я тоже улыбнулась.

Лера стояла чуть в стороне и наблюдала за нами с выражением человека, который уже многое видел и прекрасно понимал, что впереди его ждёт ещё больше.

— Сегодня ваша задача — познакомиться друг с другом получше, — сказала она. — Вы будете работать вместе, поэтому важно научиться слышать друг друга. Не только говорить, но и слушать.

Я почему-то отвела глаза.

Слушать.

Интересно, сколько проблем можно было бы избежать, если бы люди действительно умели это делать?

И сколько проблем можно было бы решить, если бы однажды я не решила, что уже знаю ответы на все вопросы?

Я заставила себя сосредоточиться на происходящем.

Сейчас я была здесь.

В этом отряде.

С этими людьми.

И мне не хотелось, чтобы прошлое занимало каждую свободную минуту.

Хотя, судя по всему, оно было совершенно другого мнения.

* * *

Возможность заняться фотографией появилась совершенно случайно.

После одного из мероприятий мы с Аней направлялись к корпусу, когда я заметила Егора.

Он стоял возле дорожки и разговаривал с Кириллом. Я не знала, насколько хорошо они были знакомы раньше, но сейчас беседа выглядела совершенно обычной.

Егор первым заметил меня.

— Привет, Ксюша.

— Привет.

— Как смена?

— Пока не успела ни с кем поссориться. Но день ещё не закончился.

— Значит, всё идёт по плану, — заметил Кирилл.

— А у тебя какой план? — спросила я.

— Не раскрывать его раньше времени.

— Уважаю. Секретность — основа любой успешной деятельности.

Кирилл усмехнулся и отошёл к другим ребятам.

Егор остался.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что он может знать ответ на один из моих вопросов.

Не обязательно на главный.

Но хотя бы на маленький.

— Слушай, — начала я, стараясь говорить как можно непринуждённее. — Ты давно в «Орлёнке» бываешь?

Егор пожал плечами.

— Несколько раз приезжал. А что?

— Да так. Вспомнила кое-что с прошлой смены.

Он кивнул.

— Такое бывает.

Я достала телефон и открыла фотографию.

— Посмотри.

Егор наклонился к экрану.

Несколько секунд он молчал.

— Это вы с Викой?

— Да.

— Красивая фотография.

— Спасибо.

Я немного увеличила изображение.

— Ты не помнишь, кто стоял сзади?

Егор посмотрел на меня внимательнее.

— А почему ты спрашиваешь?

Я пожала плечами.

— Просто интересно.

Он снова посмотрел на фотографию.

— Не уверен. Похоже на кого-то из ребят, но я плохо вижу лицо.

— А тебе не кажется, что это…

Я замолчала.

Я хотела спросить, не кажется ли ему, что это определённый человек.

Но вдруг поняла, что даже не знаю, кого именно пытаюсь угадать.

— Что? — спросил Егор.

— Ничего. Забудь.

Он вернул мне телефон.

— Ксюша, ты ведь понимаешь, что на старых фотографиях не всегда можно что-то разобрать?

— Понимаю.

— Тогда почему ты так смотришь на неё?

Я опустила глаза.

Вот это был неприятный вопрос.

Потому что я и сама не знала ответа.

— Иногда кажется, что ты что-то забыл, — сказала я наконец. — А потом видишь какую-нибудь мелочь и понимаешь, что, возможно, забыл не просто так.

Егор некоторое время молчал.

— Или просто забыл, — ответил он. — Не каждое воспоминание что-то скрывает.

Я кивнула.

Он был прав.

Наверное.

Но почему-то мне не хотелось соглашаться окончательно.

— Ладно, — сказала я. — Спасибо.

— Не за что.

Я убрала телефон.

И уже собиралась уйти, когда Егор вдруг произнёс:

— Хотя подожди.

Я остановилась.

— Что?

Он задумался, словно пытался решить, стоит ли продолжать.

— Я не помню, кто на фотографии. Но мне кажется, что в тот день возле вас было больше людей, чем видно на снимке.

— Почему?

— Не знаю. Просто такое ощущение.

Я посмотрела на него.

— Ты уверен?

— Нет, — честно ответил он. — Поэтому и говорю, что это только ощущение.

Я кивнула.

Мы попрощались, и я пошла дальше.

Вроде бы ничего особенного не произошло.

Егор не узнал человека на фотографии. Не вспомнил конкретный разговор. Не рассказал мне ничего, что могло бы перевернуть мою жизнь.

Но его слова застряли у меня в голове.

«В тот день возле вас было больше людей, чем видно на снимке».

А что, если он прав?

* * *

— Ну что, допрос состоялся?

Я вздрогнула.

Дима стоял рядом со скамейкой, на которую я только что села.

— Какой ещё допрос?

— Я видел, как ты разговаривала с Егором. Выглядело серьёзно.

— Мы разговаривали.

— Именно. Обычно люди так и делают.

— Дима, у тебя удивительный талант говорить очевидные вещи с таким видом, будто ты только что открыл закон физики.

Он сел рядом.

— Спасибо. Я развиваюсь.

Я не удержалась и улыбнулась.

— Ты всегда такой?

— Мне сегодня уже задавали этот вопрос.

— И что ответил?

— Что я многогранная личность.

— А мне кажется, что ты просто невыносимый.

— Одно другому не мешает.

Мы немного помолчали.

По дорожке пробежали несколько ребят. Где-то неподалёку громко смеялись, а из открытого окна корпуса доносилась музыка.

Я смотрела перед собой и пыталась решить, стоит ли рассказывать Диме о фотографии.

Он был почти незнакомым человеком.

Мы общались всего второй день.

Но иногда рассказать что-то тому, кто не связан с твоим прошлым, проще, чем говорить об этом с теми, кто знает тебя давно.

— Можно вопрос? — спросила я.

— Конечно.

— Ты когда-нибудь возвращался куда-то, где раньше был счастлив, и понимал, что всё изменилось?

Дима перестал улыбаться.

Он не ответил сразу.

— Да, — сказал он наконец. — Было такое.

Я повернула голову.

— И что ты сделал?

— Не знаю. Наверное, сначала пытался сделать вид, что ничего не изменилось.

— А потом?

Он пожал плечами.

— Потом понял, что это глупо.

— И?

— И пришлось привыкать к тому, что всё теперь по-дру-

гому.

Я опустила глаза.

— Звучит не очень весело.

— А кто сказал, что будет весело?

Я усмехнулась.

— Я думала, ты сейчас выдашь что-нибудь вроде: «Всё происходит не просто так, главное — верить в себя».

Дима скривился.

— Не оскорбляй меня.

— Извини.

— Я предпочитаю более глубокую философию. Например: если жизнь подкинула тебе лимон, проверь, не забыл ли кто-нибудь сахар.

Я рассмеялась.

— Это самая бессмысленная мудрость, которую я слышала.

— Зато запоминается.

И почему-то именно после этого разговора мне захотелось показать ему фотографию.

Но я передумала.

Не потому, что боялась его реакции.

Просто пока не была готова превращать собственные воспоминания в чужую историю.

— Ладно, — сказала я, вставая. — Мне пора.

— Куда?

— По своим очень важным делам.

— Например?

— Например, не разговаривать с тобой следующие пять минут.

— Жестоко.

— Ты справишься.

Я пошла к корпусу, чувствуя, как улыбка постепенно исчезает с лица.

Потому что разговор с Димой напомнил мне о вещи, которую я старалась не признавать.

Я действительно хотела, чтобы эта смена стала новой историей.

Но часть меня всё ещё ждала, что кто-нибудь вернётся в прошлое вместе со мной и объяснит, почему всё закончилось именно так.

* * *

Вечером я снова открыла галерею.

Фотография.

Тот же кадр.

Мы с Викой.

Наши улыбки.

Человек на заднем плане.

Я увеличила изображение ещё раз и попыталась вспомнить, что происходило в тот день после съёмки.

Вика куда-то торопилась.

Кажется.

Или это было в другой день?

Я закрыла глаза.

В памяти всплыли обрывки: разговоры, голоса, кто-то зовёт нас, Вика что-то говорит мне на ухо.

Но ни одна деталь не складывалась в цельную картину.

Я открыла заметки и написала:

Фотография с Викой.

Кто стоит на заднем плане?

Почему Егор думает, что рядом было больше людей?

Что я пытаюсь вспомнить?

Я посмотрела на список.

Четыре строки.

Четыре вопроса.

И ни одного ответа.

— Великолепно, — пробормотала я. — Два дня в лагере. Уже расследование, бессонница и список подозрительных фотографий.

— Ты разговариваешь сама с собой чаще, чем я думала.

Я подняла голову.

Соня стояла рядом с моей кроватью.

— Ты давно здесь?

— Достаточно, чтобы понять, что ты либо пишешь роман, либо собираешься раскрыть международный заговор.

— Пока не определилась.

— Если выберешь заговор, я хочу участвовать.

— Почему?

— Потому что у меня хороший почерк. Я могу вести протоколы.

Я засмеялась и заблокировала телефон.

Соня присела на край своей кровати.

— Кстати, — сказала она. — Ты ведь раньше дружила с Викой?

Я почувствовала, как внутри что-то напряглось.

— Да.

— А почему вы перестали общаться?

В комнате стало неожиданно тихо.

Аня, которая до этого разбирала вещи, подняла глаза, но ничего не сказала.

Я посмотрела на Соню.

Она не выглядела человеком, который хотел меня задеть. Ей действительно было интересно.

И всё же ответить оказалось сложнее, чем я ожидала.

— Это долгая история, — сказала я.

— Понятно.

Соня помолчала.

Потом добавила:

— Просто я слышала, что у вас там всё было не совсем так, как рассказывают.

Я медленно выпрямилась.

— Кто рассказывает?

Соня словно только сейчас поняла, что сказала лишнее.

— Да никто конкретно. Просто слышала.

— Где?

— Ксюша…

— Соня, я просто спрашиваю.

Она отвела взгляд.

— Я не помню, кто именно говорил.

Я смотрела на неё и чувствовала, как во мне поднимается знакомое раздражение.

Не на Соню даже.

На саму ситуацию.

На то, что кто-то снова обсуждал историю, которую я сама до конца не понимала.

На то, что у других людей могли быть ответы, которых не было у меня.

— Ладно, — сказала я наконец. — Неважно.

Но это было важно.

Очень.

Соня больше ничего не добавила.

А я легла на кровать, отвернулась к стене и закрыла глаза.

Теперь у меня было не четыре вопроса.

Теперь у меня был пятый.

Кто-то знал историю Ксюши и Вики иначе.

И этот кто-то уже успел рассказать свою версию другим.

Я пока не знала, кто именно.

Но впервые за эти два дня мне стало по-настоящему страшно.

Не потому, что я боялась узнать правду.

А потому, что вдруг поняла: возможно, я всё это время пыталась восстановить историю, которую сама помнила неправильно.

Глава 4. Имя, которое не должно было прозвучать

Утро началось с будильника, который, кажется, ненавидел лично меня.

Он звонил уже третий раз. Я накрыла голову подушкой и решила, что если не видеть новый день, то, возможно, он не наступит.

— Ксюш, — раздался голос Ани. — Ты живая?

— Это спорный вопрос.

— Отлично. Тогда вставай, спорная личность. У нас через двадцать минут сбор.

Я приоткрыла один глаз.

Соня уже сидела на кровати, заплетая волосы. На соседней тумбочке стоял стакан с водой, а на подоконнике лежала чья-то резинка для волос. За окном шумели деревья, по дорожке к корпусу проходили ребята, а с улицы доносились голоса вожатых.

Обычное лагерное утро.

И всё-таки мне казалось, что с самого пробуждения я опаздываю не на сбор, а куда-то гораздо важнее.

К ответу.

— Сонь, — позвала я, пока Аня искала вторую пару нос-

ков. — Ты вчера сказала, что слышала другую версию истории про меня и Вику.

Соня перестала заплетать волосы.

Совсем ненадолго. На секунду, может быть, даже меньше. Но я заметила.

— Сказала.

— И?

— Ксюш, я правда не помню, от кого.

— А что именно ты слышала?

Она вздохнула и отложила резинку.

— Что вы перестали общаться не просто так. Что там было что-то серьёзное.

— Это я и сама знаю.

— Ну, извини, что не могу выдать тебе стенограмму чужих разговоров за прошлый год.

В её голосе не было злости, но появилась какая-то защитная интонация. Будто я обвиняла её в том, чего она не делала.

— Я не пытаюсь на тебя наехать, — сказала я. — Просто хочу понять, что произошло.

— А ты сама не знаешь?

Вопрос оказался неожиданным.

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова не нашлись.

Конечно, я знала.

Я помнила наши разговоры с Викой, её сообщения, тот вечер, когда мы сидели рядом и она рассказывала мне то, о

чём боялась говорить с кем-либо ещё. Помнила, как обещала никому не рассказывать. Помнила, что сдержала обещание.

По крайней мере, именно так я помнила.

— Знаю, — наконец сказала я.

Соня посмотрела на меня с сомнением.

— Тогда почему спрашиваешь?

Потому что я больше не была уверена, что моя память — это то же самое, что правда.

Но произнести это вслух я не смогла.

— Забудь, — пробормотала я и полезла за толстовкой.

— Ксюша, подожди…

— Мы опоздаем!

Это была не самая убедительная попытка сменить тему, но Аня, к счастью, подхватила её.

— Всё, девочки, исторические расследования после завтрака. Сейчас у нас более серьёзная проблема: кто-то забрал мою расчёску.

— Может, она решила начать новую жизнь? — предположила Соня.

— Тогда пусть хотя бы оставит адрес.

Мы рассмеялись, и на несколько минут мне действительно стало легче.

Иногда обычная глупость спасает лучше, чем самый правильный совет.

* * *

На общем сборе Денис объявил, что сегодня у нас будет

командное испытание.

— Ничего страшного, — заверил он, заметив наши лица. — Нужно будет работать вместе, выполнять задания и не пытаться победить друг друга раньше времени.

— А если очень хочется? — спросил Дима.

— Тогда особенно постарайся не пытаться.

— Понял. Буду пытаться незаметно.

— Дима!

— Всё, молчу.

Он поднял руки с таким невинным видом, что я едва удержалась от улыбки.

— Ты всегда такой? — спросила я, когда мы выстроились по командам.

— Какой?

— Неудобный.

— Только по утрам. После обеда становлюсь невыносимым.

— Обнадёживает.

— А ты всегда задаёшь столько вопросов?

Я посмотрела на него.

— Только когда человек сам напрашивается.

— Значит, я тебе интересен.

— Значит, ты слишком много о себе думаешь.

Дима усмехнулся и отвернулся к Денису, который уже объяснял правила.

Я решила, что этот человек создан исключительно для то-

го, чтобы проверять моё терпение.

И, что самое неприятное, у него отлично получалось.

Испытание оказалось сложнее, чем мы ожидали. Нужно было пройти несколько станций, собрать подсказки и в конце решить общую задачу. На одной из станций нас заставили переносить мячи, не касаясь их руками. На другой — объяснять слова без однокоренных слов. На третьей Дима умудрился так убедительно изобразить чайник, что Аня угадала ответ раньше, чем он закончил.

— Ты талантлив, — сказала я.

— Спасибо.

— Я не закончила. Талантлив в том, чтобы выглядеть глупо с полной уверенностью.

— Завидуй молча.

— Даже не мечтай.

Мы спорили почти на каждом задании, но почему-то именно вместе справлялись быстрее всего. Когда я не могла вспомнить нужное слово, Дима подсказывал. Когда он путался в инструкции, я объясняла. И каждый раз после удачного ответа он смотрел на меня с выражением человека, который только что выиграл международный чемпионат.

— Не привыкай, — сказала я после очередной победы.

— К чему?

— К тому, что я тебя спасаю.

— Поздно. Я уже записал тебя в список своих любимых спасателей.

— У тебя есть список?

— Конечно. Пока ты первая.

— Какое счастье.

— Можешь не благодарить.

Я закатила глаза.

И впервые за последние дни поймала себя на том, что смеюсь не потому, что пытаюсь отвлечься от прошлого.

Просто потому, что мне весело.

Это ощущение было настолько непривычным, что я даже немного испугалась.

Будто, позволяя себе радоваться, я предавала ту девочку, которая когда-то уехала отсюда с разбитым сердцем и обещанием больше никогда не возвращаться к старым историям.

Но ведь я не обязана была оставаться несчастной только потому, что когда-то мне было больно.

Я повторила эту мысль про себя.

И всё равно до конца ей не поверила.

* * *

После обеда нам дали свободное время.

Аня с Полиной собирались идти к морю, Соня куда-то исчезла, а Кирилл пытался убедить Егора, что умеет предсказывать погоду по форме облаков.

— Вон то облако означает, что завтра будет дождь, — уверенно заявил Кирилл.

Егор посмотрел на небо.

— Оно означает, что это облако.

— Ты совершенно не разбираешься в метеорологии.

— А ты в облаках.

Я усмехнулась и пошла в сторону корпуса.

Мне хотелось побыть одной.

Не потому, что вокруг были плохие люди. Наоборот, ребята постепенно переставали казаться чужими. Просто иногда чужие голоса мешали услышать собственные мысли.

Я достала телефон и открыла старую переписку с Викой.

Последнее сообщение от неё я знала наизусть.

«Ладно. Как хочешь».

Всего три слова.

Я перечитывала их столько раз, что они давно перестали быть обычным сообщением. В них я видела обиду, холодность, равнодушие. Мне казалось, что Вика устала от меня и решила поставить точку.

Но теперь я задумалась: а что было до этого сообщения?

Я прокрутила переписку выше.

Там были наши фотографии, голосовые, дурацкие стикеры, обсуждение какого-то фильма и обещание обязательно встретиться после смены.

А потом сообщения стали короче.

Реже.

Осторожнее.

Я заметила, что в какой-то момент мы обе начали задавать вопросы, на которые уже заранее боялись услышать ответы.

«Ты на меня не обижаешься?»

«Нет, всё нормально».

«Точно?»

«Да».

Сейчас, перечитывая эти строки, я впервые поняла, насколько часто мы обе врали.

Не друг другу даже.

Самим себе.

Я выключила экран.

— Вот ты где.

Я вздрогнула и обернулась.

Передо мной стоял Егор.

— Ты умеешь ходить тише?

— Умею. Но тогда ты бы меня не услышала.

— Логично.

Он присел на край скамейки, оставив между нами немного места.

— Ты чего такая задумчивая?

— Думаю.

— Опасное занятие.

— Особенно в этом лагере.

Егор улыбнулся, но почти сразу стал серьёзным.

— Слушай, а ты ведь правда хочешь разобраться в том, что было с Викой?

Я медленно повернулась к нему.

— А почему ты спрашиваешь?

— Просто.

— Егор.

— Что?

— Не говори «просто», если собираешься сказать что-то ещё.

Он отвёл взгляд.

И вот тогда я почувствовала то самое неприятное предчувствие, которое возникало у меня последние дни.

Будто каждый человек здесь знал хотя бы маленький кусочек истории, которую я пыталась восстановить. И стоило задать правильный вопрос, как кто-нибудь обязательно замолкал.

— Я не уверен, что смогу тебе помочь, — произнёс Егор.

— Я не прошу тебя решать всё за меня.

— Знаю.

— Тогда что?

Он помолчал.

— Просто не делай выводов раньше времени.

Я усмехнулась без всякого веселья.

— Ты второй человек за два дня, который говорит мне что-то подобное.

Егор посмотрел на меня внимательнее.

— Кто первый?

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент со стороны дорожки донёсся голос Димы:

— Ксюш! Ты идёшь? Мы собираемся…

Он остановился, увидев Егора рядом со мной.

— О. Я помешал?

— Нет, — ответила я.

— Тогда почему у вас лица, как будто вы обсуждаете государственную тайну?

— Потому что мы обсуждаем, как избавиться от тебя, — сказал Егор.

— Поздно. Я уже незаменим.

— Это ты сам себе сказал?

— Да. И убедительно.

Я встала со скамейки.

— Пойдём, незаменимый.

Дима довольно улыбнулся.

Егор остался сидеть, но перед тем, как мы ушли, тихо произнёс:

— Ксюш, ещё кое-что.

Я обернулась.

— Не все, кто молчал тогда, молчали по одной и той же причине.

Он не стал ничего объяснять.

А я не стала спрашивать.

Пока.

* * *

Вечером у нас была репетиция небольшого творческого выступления. Лера раздала задания, и уже через десять минут наш отряд спорил, кто будет ведущим, кто отвечает за

музыку и почему Кирилл считает, что любое мероприятие можно спасти танцем.

— Танец спасёт всё, — заявил он.

— Даже контрольную по математике? — спросила Полина.

— Особенно контрольную по математике.

— Ты получишь двойку под музыку, — заметил Егор.

Я сидела на полу у стены и пыталась придумать, как превратить нашу идею в нечто, что не заставит зрителей пожалеть о потраченном вечере.

Вика находилась через несколько человек от меня.

Она почти не участвовала в споре, но иногда улыбалась словам Ани. Когда наши взгляды случайно встретились, Вика тут же посмотрела в другую сторону.

Я тоже.

И в этот момент мне захотелось сделать что-нибудь совершенно безумное.

Подойти к ней.

Сесть рядом.

Спросить, как у неё дела.

Не о прошлом. Не о слухах. Не о том, кто что сказал.

Просто спросить.

Но я осталась на месте.

Потому что боялась услышать в ответ всё то же короткое: *«Нормально»*.

А потом снова не знать, что с этим делать.

— Ксюш, — позвала Лера. — Ты с нами?

— Да, конечно.

— Тогда помоги Соне разобрать фотографии для выступления. Она принесла несколько снимков со старых смен, возможно, что-нибудь подойдёт.

Соня, сидевшая за столом с телефоном, подняла голову.

— Да, я сейчас покажу.

Я пересела к ней.

Она пролистала несколько кадров: костёр, море, отрядное фото, кто-то с нелепо надетой панамой. На некоторых снимках ребята были совсем маленькими, на других — уже почти такими же, как сейчас.

— Вот это можно взять, — сказала Соня, показывая фотографию большой компании на берегу. — Только я не помню, кто там все.

— Откуда у тебя эти снимки?

— Из общего чата. И ещё кое-что мне присылали.

— Кто?

— Разные люди.

Она быстро пролистнула дальше.

Я заметила, как на экране мелькнула фотография, которую уже видела.

Та самая.

Я и Вика.

Мы стояли рядом, улыбались, а где-то за нашими спинами терялся в размытии чей-то силуэт.

— Подожди, — сказала я.

Соня остановилась.

— Что?

— Верни назад.

Она вернулась к снимку.

Я наклонилась ближе.

— Откуда он у тебя?

— Не помню. Кажется, кто-то скинул в чат.

— Кто именно?

Соня нахмурилась.

— Ксюш, я не веду список всех людей, которые присылают мне фотографии.

— Я понимаю. Просто… ты можешь посмотреть?

Она несколько секунд молчала, а потом открыла информацию о снимке.

Фотография была отправлена в общий чат больше года назад.

Рядом стояло имя отправителя.

Артём.

Я перечитала его дважды.

Артём, который сегодня искал какую-то потерянную вещь. Артём, который почти не участвовал в общих разговорах. Артём, который, казалось, вообще не имел отношения к моей истории с Викой.

— Ты его знаешь? — спросила Соня.

— Да. Он в нашем отряде.

— Я не про сейчас. Раньше вы общались?

— Нет. По крайней мере, я не помню.

Соня забрала телефон и увеличила фотографию.

— Может, он просто переслал её. Тут же много людей.

— Может быть.

Я сказала это слишком быстро.

Потому что вдруг вспомнила слова Егора.

Не все, кто молчал тогда, молчали по одной и той же причине.

И фразу, которая всплыла в памяти, когда я впервые увидела этот снимок:

«Главное, чтобы она не узнала».

Я до сих пор не знала, действительно ли кто-то произнёс эти слова. Возможно, память просто соединила обрывки разных разговоров. Возможно, я сама придумала связь там, где её не было.

Но теперь у меня появился новый вопрос.

Почему фотография, которую я считала случайным воспоминанием, оказалась у Артёма?

И главное — откуда она появилась у него?

Я посмотрела в сторону другого конца комнаты.

Артём стоял у окна и разговаривал с Кириллом. Он смеялся над чем-то, что тот рассказывал, и выглядел совершенно обычным человеком, у которого не было никаких причин скрывать от меня хоть что-нибудь.

Я могла подойти к нему прямо сейчас.

Спросить.

Но вдруг он не знает ничего?

Вдруг я снова заставлю обычную вещь превратиться в доказательство того, чего на самом деле не существует?

Я слишком хорошо помнила, чем заканчивается уверенность, построенная на догадках.

Поэтому я решила пока ничего не делать.

Только запомнить.

Артём.

Старая фотография.

И ещё одна деталь, которую я раньше не замечала.

На снимке Вика смотрела не в камеру.

Она смотрела куда-то в сторону.

Туда, где стоял человек, лица которого я не могла разглядеть.

И теперь мне впервые захотелось узнать не только то, что произошло между нами.

Мне захотелось узнать, что происходило вокруг нас, пока мы обе были уверены, что всё понимаем.

Глава 5. Правила, которые никто не объяснил

В лагере существовало множество правил.

Некоторые были написаны на стендах. Другие вожатые повторяли каждое утро, пока мы окончательно не переставали их слышать. Третьи становились понятны только после того, как ты успевал нарушить их хотя бы один раз.

Например, нельзя было опаздывать на сборы. Нельзя было оставлять после себя беспорядок в комнате. Нельзя было спорить с вожатыми, даже если ты был абсолютно уверен в своей правоте.

И, судя по всему, существовало ещё одно правило, о котором никто не предупреждал:

если ты приехал в «Орлёнок» с неразобранным прошлым, оно обязательно найдёт тебя раньше, чем ты успеешь разобрать чемодан.

Моё прошлое, например, сидело за завтраком через два стола от меня.

Вика смеялась над чем-то, что рассказывала Полина. Она запрокинула голову, убрала волосы за ухо и на секунду стала совершенно такой, какой я её помнила.

Не той Викой, которая теперь отвечала мне короткими фразами.

Не той, которая смотрела сквозь меня, словно между нами ничего не было.

А моей Викой.

Той, с которой мы когда-то могли смеяться над одной и той же глупостью до слёз. Той, которая знала, когда мне нужно побыть одной, а когда нельзя оставлять меня одну ни на минуту. Той, которая однажды подарила мне кулон со звездой и сказала, что мы обязательно найдёмся, даже если потеряемся.

Я невольно коснулась цепочки на шее.

Кулон был спрятан под футболкой. Я почти никогда его не снимала.

— Ты сейчас прожжёшь в ней дыру взглядом, — сообщил Дима.

Я резко повернулась.

Он стоял рядом с подносом и смотрел на меня с таким выражением лица, будто только что обнаружил редкий научный феномен.

— Что?

— Ничего. Просто пытаюсь понять, сколько секунд нужно смотреть на человека, чтобы он почувствовал себя неловко.

— Можешь провести эксперимент на себе.

— Уже проводил. Результаты неутешительные: я слишком красив для подобных испытаний.

— А скромность у тебя где?

— Дома оставил. Не влезла в чемодан.

Он поставил поднос на стол и сел напротив.

— Ты вообще завтракать собираешься?

Я посмотрела на свою тарелку. Каша успела остыть, чай тоже, а кусок хлеба лежал нетронутым.

— Собираюсь.

— Судя по всему, к ужину.

— Дима, у тебя есть какая-нибудь кнопка выключения?

— Есть. Но она доступна только избранным.

— И кто же эти избранные?

— Пока не определился.

Я фыркнула и всё-таки взяла ложку.

Дима не стал продолжать шутку. Вместо этого он несколько секунд молча смотрел на меня, а потом спросил:

— Вы с Викой раньше дружили?

Ложка остановилась на полпути ко рту.

Я медленно опустила её обратно.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что вы ведёте себя так, будто однажды вместе ограбили банк, а теперь боитесь, что вторая даст показания.

— Очень смешно.

— Я старался.

Я отвернулась к окну.

Мне не хотелось обсуждать Вику с Димой. Мы знакомы всего несколько дней. Он не обязан был знать обо мне всё, а я не была готова рассказывать незнакомому человеку историю, которую сама до сих пор не могла понять.

— Да, мы дружили, — ответила я. — Давно.

— А сейчас?

— А сейчас мы живём в одном корпусе и иногда здороваемся.

— Понятно.

Я посмотрела на него с подозрением.

— И всё? Без вопросов?

— А какие вопросы ты ждала?

— Не знаю. Например, что случилось.

Дима пожал плечами.

— Если захочешь рассказать, расскажешь.

Я почему-то не нашлась с ответом.

Мне казалось, что люди обычно делятся на две категории: те, кто слишком настойчиво пытается узнать чужие секреты, и те, кому вообще нет до тебя дела.

Дима, похоже, не относился ни к одной из них.

И это немного сбивало с толку.

— Только не думай, что я собираюсь тебе всё рассказать, — предупредила я.

— Даже не надеялся.

— Отлично.

— Но если ты когда-нибудь решишь написать книгу о своей загадочной жизни, я требую отдельную главу.

— Она будет называться «Человек, который слишком много говорил».

— Бестселлер.

Я покачала головой, но улыбнулась.

И только потом заметила, что Вика больше не смеётся.

Она смотрела в нашу сторону.

Когда наши глаза встретились, Вика первой отвела взгляд.

На этот раз я не стала делать вид, что ничего не заметила.

* * *

После завтрака Лера собрала нас возле корпуса и объявила, что сегодня каждая команда должна придумать небольшое представление о своём отряде.

— Не нужно ничего грандиозного, — объяснила она. — Важнее, чтобы каждый участвовал. Можно использовать музыку, фотографии, сценки, любые идеи, которые помогут рассказать о вас.

— А можно просто выйти и сказать, что мы замечательные? — уточнил Кирилл.

— Можно, — ответила Лера. — Но тогда вам придётся доказать это выступлением.

— Жестоко.

— Справедливо.

Нас разделили на небольшие группы. Мне досталась работа с Аней, Соней, Полиной и Артёмом. Дима оказался в другой команде, к моему огромному облегчению.

Хотя облегчение продлилось недолго.

— Не скучай без меня! — крикнул он через всю площадку.

— Постараюсь пережить!

— Верю в тебя!

Аня рассмеялась.

— Вы знакомы три дня, а уже разговариваете, как супруги, которые вместе двадцать лет.

— Забери свои слова обратно, — сказала я.

— Какие именно? Про двадцать лет или про супругов?

— Аня!

Она подняла руки и продолжила смеяться.

Мы устроились за столом в холле. Соня предложила сделать небольшую сценку о первом дне в лагере, Полина хотела добавить музыку, а Артём предложил использовать фотографии.

— У тебя много фотографий? — спросила Соня.

— Не особо, — ответил он. — Несколько со старых смен осталось.

Я вспомнила снимок, который мы вчера нашли в его переписке с общим чатом.

— Ты давно ездишь в «Орлёнок»? — спросила я.

Артём посмотрел на меня.

— Несколько раз был. А что?

— Просто интересно.

— А ты?

— Тоже не первый раз.

— Тогда ты должна знать, где здесь лучше всего фотографироваться.

— Смотря что фотографировать.

— Всё подряд, — вмешалась Полина. — Людей, море, закаты, еду. Особенно еду. Еда здесь важнее искусства.

— Наконец-то человек, который понимает мои приоритеты, — сказала Соня.

Разговор ушёл в сторону фотографий и смешных снимков, а я решила не возвращаться к вопросу об Артёме.

Пока.

Он не выглядел человеком, который собирался что-то скрывать. Но я уже начинала понимать, что внешность и поведение ничего не гарантируют.

В конце концов, я тоже могла смеяться, шутить и участвовать в отрядных делах, а внутри всё это время возвращаться к одному и тому же разговору, случившемуся много месяцев назад.

— Ксюш, — позвала Аня. — Ты с нами?

— Да. Простите.

— Ты сегодня часто куда-то исчезаешь, даже когда сидишь рядом, — заметила она.

Я опустила глаза на лист бумаги.

— Просто не выспалась.

Аня ничего не ответила, но по её лицу было понятно: она мне не поверила.

* * *

К полудню у нас появился план выступления.

Он был немного странным, местами нелепым, зато всем нравился. Полина отвечала за музыку, Соня собирала фото-

графии, Артём должен был помочь с оформлением, а я взялась написать текст.

Когда мы закончили, я вышла на улицу подышать.

В «Звёздном» было удивительно легко забыть о времени. Только что ты сидел в холле и спорил о музыке, а через несколько минут уже стоял на дорожке, слушал шум деревьев и понимал, что солнце заметно переместилось по небу.

Я дошла до скамейки возле корпуса и села.

Впервые за утро я осталась одна.

И сразу же достала телефон.

Старая переписка с Викой всё ещё была открыта. Я снова прокрутила её к последним сообщениям.

«Ты на меня не обижаешься?»

«Нет, всё нормально».

«Точно?»

«Да».

Я помнила, как писала эти ответы. Тогда мне казалось, что если я буду достаточно спокойной, если не стану задавать лишних вопросов, всё постепенно вернётся на свои места.

Но ничего не вернулось.

Мы обе ждали, что другая сделает первый шаг. Обе боялись выглядеть навязчивыми. Обе делали вид, что всё в порядке.

А потом однажды перестали писать совсем.

Я закрыла переписку и открыла заметки.

Там до сих пор хранился короткий текст, который я ко-

гда-то написала Вике, но так и не отправила.

«Я не знаю, что с нами происходит. Мне кажется, ты отдаляешься, но я боюсь спросить, потому что вдруг ты действительно этого хочешь. Я скучаю по тебе, даже когда злюсь. И не понимаю, как можно скучать по человеку, который вроде бы никуда не уходил».

Я перечитала текст.

Потом удалила его из поля редактирования, хотя он и так никуда не собирался отправляться.

— Пишешь кому-то признание?

Я вздрогнула.

Дима стоял у дорожки, держа в руках бутылку воды.

— Ты издеваешься? Почему ты всё время появляешься бесшумно?

— Я шёл по дорожке.

— Можно было хотя бы кашлянуть.

— В следующий раз возьму с собой барабан.

Он сел на другой край скамейки.

— Так кому пишешь?

— Никому.

— Очень содержательный ответ.

— Очень содержательный вопрос.

Дима улыбнулся и отпил воды.

— Ладно. Не рассказывай. Только у тебя такой вид, будто ты сейчас либо кого-то заблокируешь, либо напишешь сообщение, о котором пожалеешь.

Я посмотрела на него.

— Ты всегда так хорошо читаешь людей?

— Нет. Иногда я просто угадываю.

— И часто ошибаешься?

— Постоянно.

Я не удержалась от смеха.

Дима тоже улыбнулся, но затем заметил мою цепочку. Кулон, который обычно прятался под футболкой, выскользнул наружу, когда я наклонилась за телефоном.

Он ничего не сказал сразу.

Только посмотрел на маленькую металлическую звезду.

— Красивый, — произнёс он.

Я машинально спрятала кулон в ладони.

— Спасибо.

— Подарок?

Я могла бы соврать. Сказать, что купила его сама или что он достался мне от кого-то из родственников.

Но почему-то не стала.

— Да.

— Дорогой человек?

Я сжала кулон чуть крепче.

— Когда-то.

Дима помолчал.

— Понял.

Он не спросил, почему я сказала именно «когда-то». Не поинтересовался, что произошло между мной и человеком,

который подарил мне эту звезду.

И я была ему за это благодарна.

Некоторые воспоминания становятся ещё больнее, когда пытаешься объяснить их вслух.

— А у тебя есть что-нибудь такое? — неожиданно спросила я.

— Что именно?

— Вещь, которую ты хранишь, хотя она связана с чем-то неприятным.

Дима задумался.

— Есть.

— И что это?

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что ты только что сама не рассказала мне про свою.

Я посмотрела на него и невольно улыбнулась.

— Справедливо.

— Я вообще довольно справедливый человек.

— Не увлекайся.

Мы посидели ещё немного, разговаривая о пустяках. О том, какие мероприятия в лагере самые странные, о еде, о людях, которые умудряются потерять вещи, не отходя от собственной кровати.

Потом Диму позвали ребята, и он ушёл.

А я осталась на скамейке.

Мне всё ещё было больно думать о Вике. Но впервые за долгое время я смогла хотя бы ненадолго переключиться на что-то другое.

Возможно, именно так и начиналось возвращение к жизни: не с громких решений, а с обычного разговора, в котором тебе не приходится объяснять всё, что у тебя внутри.

* * *

Вечером, когда мы возвращались после репетиции, я увидела Вику возле входа в корпус.

Она стояла одна, держа в руках телефон. Кажется, собиралась кому-то написать, но передумала.

Я могла пройти мимо.

Мы обе отлично научились этому движению: заметить друг друга, на секунду замедлиться, а потом сделать вид, что ничего не произошло.

Но сегодня я остановилась.

— Вика.

Она подняла голову.

— Да?

Я заранее придумала несколько фраз. Хотела спросить, как ей новая смена, нравится ли отряд, привыкла ли она к комнате. Хотела сказать что-нибудь нейтральное, чтобы мы хотя бы перестали чувствовать себя чужими.

Но когда она посмотрела на меня, все заготовленные слова исчезли.

— Ты… — начала я и замолчала.

Вика ждала.

— Ты давно приехала?

Она слегка нахмурилась.

— Вчера же. Мы вместе приехали.

— Точно. Я просто…

Я просто не знаю, как с тобой разговаривать.

Но я не произнесла этого.

— Забыла, — закончила я.

Вика кивнула.

— Понятно.

Она убрала телефон в карман.

Я смотрела на неё и вдруг осознала, что не знаю, как она теперь смеётся, когда ей действительно весело. Не знаю, какая музыка ей нравится. Не знаю, о чём она думает перед сном и кому пишет сообщения, когда ей плохо.

Я помнила её прошлую версию.

Но не знала нынешнюю.

И, возможно, она чувствовала то же самое по отношению ко мне.

— Как тебе здесь? — спросила я.

— Нормально.

Конечно.

Это слово снова прозвучало между нами, словно невидимая стена.

— А тебе?

— Тоже.

Мы обе замолчали.

Из-за угла выбежала Полина и позвала Вику. Та обернулась, ответила, что сейчас подойдёт, а потом снова посмотрела на меня.

— Ладно. Увидимся.

— Увидимся.

Вика ушла.

Я осталась стоять у входа и чувствовала себя так, словно только что провалила экзамен, к которому готовилась целый год.

Хотя никакого экзамена не было.

Никто не требовал от меня идеальных слов. Никто не обещал, что один разговор всё исправит.

Я сама придумала правила, по которым должна была действовать.

Не показывать, что скучаю.

Не задавать слишком личных вопросов.

Не делать первый шаг, если не уверена, что меня ждут.

И всё это время я даже не замечала, что Вика могла придумать точно такие же правила.

Мы обе боялись оказаться лишними в жизни друг друга.

И, пытаясь защититься, постепенно сделали именно то, чего боялись больше всего.

Отдалились.

* * *

Перед отбоем я сидела на кровати и записывала в дневник

события дня.

Обычно я писала коротко: что делали, с кем разговаривала, что было смешного. Но сегодня рука сама вывела несколько строк.

«Кажется, я всё время пытаюсь найти правильные слова.

Такие, после которых Вика перестанет смотреть на меня как на чужую. Такие, после которых мне не придётся вспоминать, как мы перестали разговаривать. Такие, после которых прошлое наконец станет просто прошлым.

Но я не знаю этих слов.

И никто не объяснил мне правила.

Может быть, их вообще не существует».

Я поставила точку и закрыла дневник.

А потом заметила, что из-под него выглядывает уголок старой фотографии.

Той самой, с размытым силуэтом.

Я достала её и перевернула.

На обратной стороне, почти стёртая от времени, была надпись, которую я раньше не замечала.

Всего два слова.

«Не рассказывай ей».

Я замерла.

Почерк был неровным, будто человек торопился. Я не могла понять, кто написал эту фразу и кому она предназначалась.

Но теперь мне стало ясно одно.
Кто-то когда-то боялся, что Вика узнает что-то важное.
И я всё ещё не знала, что именно.

Глава 6. Семь минут до отбоя

Я перечитала надпись ещё раз.

«Не рассказывай ей».

Четыре слова, которые ничего не объясняли, но каким-то образом умудрялись пугать сильнее целой страницы текста.

Я поднесла фотографию ближе к настольной лампе, надеясь разглядеть что-нибудь ещё. Может быть, рядом были другие буквы. Может быть, почерк покажется знакомым. Может быть, я просто неправильно прочитала.

Ничего.

Только выцветший снимок, несколько царапин и короткая фраза на обратной стороне.

— Ты чего не спишь?

Я чуть не выронила фотографию.

Аня стояла возле своей кровати и смотрела на меня сонными глазами.

— Я думала, ты уже спишь.

— Я тоже так думала. Но потом услышала, как ты в десятый раз перевернулась на другой бок.

— Я не могу уснуть.

— Это из-за Вики?

Я посмотрела на неё.

Аня не улыбалась и не пыталась поддразнить меня. Она просто ждала ответа.

— Не только.

Я протянула ей фотографию.

— Посмотри.

Она взяла снимок, сначала посмотрела на лицевую сторону, потом перевернула.

— «Не рассказывай ей», — прочитала она. — Это кто написал?

— Не знаю.

— А кому?

— Тоже не знаю.

Аня подняла на меня глаза.

— Ксюш, а ты уверена, что эта надпись вообще относится к Вике?

Я хотела сразу ответить, что да. Ведь именно Вика стояла рядом со мной на фотографии. Именно вокруг нашей дружбы теперь крутились все эти странные вопросы.

Но Аня задала правильный вопрос.

Я не знала.

— Нет, — призналась я. — Не уверена.

— Тогда давай пока не будем придумывать то, чего не знаем.

Она вернула мне снимок.

— Я понимаю, что тебе хочется всё выяснить. Правда. Но если ты будешь искать подтверждение каждой своей догадке, то в какой-то момент начнёшь видеть доказательства даже там, где их нет.

Я посмотрела на фотографию.

Именно этого я боялась.

Ведь однажды я уже решила, что понимаю, почему Вика отдалилась. Я была уверена, что она больше не хочет со мной общаться, и постепенно перестала пытаться что-либо изменить.

А вдруг я тогда тоже ошиблась?

— Ты когда-нибудь ссорилась с человеком так сильно, что потом не знала, как к нему подойти? — спросила я.

Аня задумалась.

— Конечно.

— И что ты делала?

— Сначала обижалась. Потом ждала, что он сам напишет. Потом злилась, что он не пишет. А потом выяснялось, что он тоже ждал от меня сообщения.

Я невольно усмехнулась.

— Знакомо.

— Вот именно. Мы иногда так сильно хотим, чтобы другой человек доказал, что мы ему нужны, что сами перестаём это показывать.

Я опустила взгляд.

Аня выключила лампу и забралась под одеяло.

— Ладно, философия закончена. Завтра нас опять поднимут ни свет ни заря.

— Ань?

— М-м?

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не говоришь мне, что я всё придумываю.

Аня повернулась на бок.

— Я не знаю, придумываешь ты или нет. Но я точно знаю, что тебе сейчас непросто. И это уже достаточно веская причина тебя выслушать.

В темноте я улыбнулась.

Пожалуй, именно так и начиналась дружба.

Не с обещаний на всю жизнь и не с клятв никогда не расставаться.

А с человека, который готов выслушать тебя посреди ночи, даже если ты сама не понимаешь, о чём пытаешься рассказать.

* * *

На следующий день лагерь жил своей обычной жизнью.

Утром мы едва успели на зарядку. За завтраком Кирилл пытался доказать, что каша становится вкуснее, если есть её с закрытыми глазами. После завтрака Полина потеряла резинку для волос, хотя та всё время была у неё на запястье.

— Я официально заявляю, — сказала она, — что этот лагерь проверяет мою способность сохранять рассудок.

— А ты её сохраняешь? — поинтересовался Дима.

— Пока да.

— Значит, испытания ещё впереди.

Я сидела рядом с Аней и смеялась над их перепалкой, ко-

гда заметила, что Вика стоит возле двери столовой.

Она разговаривала с Алисой. Та что-то тихо объясняла ей, иногда оглядываясь по сторонам.

Я не слышала слов, но заметила, как Вика вдруг нахмурилась.

Алиса положила руку ей на плечо.

Вика сразу отступила на шаг.

Это движение было почти незаметным. Возможно, я вообще не обратила бы на него внимания, если бы последние дни не заставили меня всматриваться в каждую мелочь.

Алиса убрала руку.

Они ещё немного поговорили, после чего разошлись в разные стороны.

— Ты опять за ними наблюдаешь? — спросил Дима.

Я вздрогнула.

— Ты можешь хоть иногда появляться как нормальный человек?

— Могу. Но тогда ты не будешь так интересно вздрагивать.

— Когда-нибудь я тебя столкну в море.

— Отлично. Я давно хотел искупаться.

Я покачала головой.

— Ты неисправим.

— Мне это часто говорят.

Дима проследил за моим взглядом.

— Алиса и Вика?

Я кивнула.

— Они о чём-то спорили?

— Не знаю.

— Тогда зачем смотришь так, будто собираешься написать отчёт для следственного комитета?

— Потому что мне интересно.

— Тебе вообще много чего интересно.

— Например?

— Почему ты не спишь по ночам. Почему постоянно смотришь на старые фотографии. Почему делаешь вид, что тебе всё равно, хотя очевидно, что не всё равно.

Я замолчала.

Он сказал это без насмешки.

И именно поэтому мне стало не по себе.

— Ты слишком много замечаешь, — произнесла я.

— А ты слишком много скрываешь.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом Дима вздохнул.

— Ладно. Не буду лезть.

Он поднялся из-за стола, но перед тем, как уйти, добавил:

— Только не забывай, что иногда можно просто спросить человека, что случилось. Не обязательно сначала собирать улики.

Я проводила его взглядом.

А потом посмотрела на Вику, которая уже скрылась за дверью.

Если бы всё было так просто.

* * *

Вечером у нас было свободное время перед общим мероприятием.

Аня ушла готовиться, Соня помогала Полине искать какую-то вещь, а я решила пройтись по территории.

Мне нужно было подумать.

Не о фотографии. Не о надписи. Не об Артёме и не о том, что могла знать Алиса.

О себе.

Я слишком хорошо помнила, какой была до всей этой истории. Я легко знакомилась с людьми, много смеялась, не боялась первой написать сообщение или предложить встретиться.

А потом что-то изменилось.

Я стала осторожнее.

Начала проверять каждое слово, искать скрытый смысл в коротких ответах и заранее готовиться к тому, что люди могут уйти.

Мне казалось, что это делает меня сильнее.

Но теперь я не была уверена.

Возможно, я просто научилась уходить первой — хотя внешне оставалась на месте.

Я свернула на дорожку за корпусом. Там было тише, чем возле главной площадки. Вдалеке слышались голоса, а между деревьями виднелась полоска вечернего неба.

Я остановилась возле скамейки.

И услышала шаги.

— Ты меня преследуешь?

Я обернулась.

Вика.

Она стояла в нескольких шагах от меня, держа в руках толстовку.

— Это моя любимая дорожка, — ответила я.

— Правда?

— Нет. Но звучало убедительно.

Вика неожиданно улыбнулась.

Совсем немного.

Но я увидела эту улыбку и вдруг вспомнила, как раньше мы придумывали друг другу нелепые оправдания. Как могли спорить о пустяках, а потом смеяться над тем, насколько серьёзно воспринимали собственные аргументы.

На секунду мне показалось, что всё может стать прежним.

Потом Вика отвела взгляд, и эта секунда закончилась.

— Я не знала, что ты сюда ходишь, — сказала она.

— Я тоже не знала, что ты.

— Я иногда прихожу сюда вечером.

— Ясно.

Снова пауза.

Я могла бы спросить её о кулоне. О фотографии. О том, почему мы перестали разговаривать.

Но все эти вопросы казались слишком большими для та-

кого маленького разговора.

Поэтому я спросила:

— Как тебе смена?

Вика посмотрела на меня с удивлением.

— Нормально.

Я едва не рассмеялась от бессилия.

Не потому, что мне было смешно.

Просто это слово преследовало меня повсюду.

— А если не отвечать привычным словом? — спросила я.

Вика нахмурилась.

— Что?

— Ну… не «нормально». А как на самом деле?

Она долго молчала.

Я уже решила, что она ничего не скажет, когда Вика наконец произнесла:

— Я не знаю.

В этих трёх словах было больше правды, чем во всех наших предыдущих разговорах.

— В каком смысле?

— В обычном. Я пока не знаю, как мне здесь.

Она посмотрела в сторону корпуса.

— Всё вроде бы знакомое, но одновременно другое. Люди меняются. Места тоже. Иногда приезжаешь и думаешь, что всё будет как раньше, а потом понимаешь, что ничего не будет.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Потому что именно это я пыталась объяснить самой себе с момента приезда.

— Да, — тихо сказала я. — Понимаю.

Вика посмотрела на меня.

— Правда?

— Правда.

Мы замолчали.

Впервые за несколько дней между нами возникла тишина, в которой не было явного желания поскорее уйти.

Я решила рискнуть.

— Вика, я хотела…

Она резко подняла голову.

— Ксюш, пожалуйста.

Я остановилась.

— Что?

— Только не сейчас.

Я почувствовала, как все слова, которые я собиралась сказать, разом исчезли.

— Хорошо, — ответила я.

Вика словно удивилась, что я не стала настаивать.

— Спасибо.

Она сделала шаг назад.

И тут я заметила, что её пальцы крепко сжимают край толстовки.

Она нервничала.

Не меньше меня.

Эта простая мысль почему-то оказалась важнее всех фотографий и надписей.

Вика не выглядела равнодушной.

Она выглядела человеком, который чего-то боится.

Я не знала чего.

Но впервые за долгое время мне захотелось не обвинить её в молчании, а понять причину.

— Вика?

Она остановилась.

— Что?

Я посмотрела на неё и сказала единственное, что смогла придумать:

— Я рада, что ты здесь.

Вика не ответила сразу.

На её лице появилось выражение, которое я не сумела понять. Там было что-то похожее на удивление, а может быть, на боль.

— Я тоже, — тихо произнесла она.

Потом развернулась и пошла к корпусу.

Я осталась на скамейке.

И впервые за эти дни не стала воспринимать её уход как окончательный ответ.

* * *

Я вернулась к корпусу за несколько минут до отбоя.

В холле уже собирались ребята. Кто-то обсуждал завтрашние мероприятия, кто-то пытался дописать сообщение, пока

телефоны ещё не попросили убрать, а Кирилл убеждал всех, что способен запомнить расписание на неделю вперёд.

— Ставлю шоколадку, что забудешь уже завтра, — сказала Полина.

— Не принимается. Я профессионал.

— В чём? В забывчивости?

— В планировании.

— Тогда почему ты сегодня пришёл на сбор не в ту сторону?

Кирилл открыл рот, закрыл его и посмотрел на Егора.

— Ты мог бы меня поддержать.

— Мог бы, — спокойно ответил Егор. — Но не хочу.

Все рассмеялись.

Я тоже улыбнулась и поднялась по лестнице.

У дверей комнаты меня окликнули.

— Ксюш!

Я обернулась.

Дима стоял внизу, прислонившись к стене.

— Что?

— Ты сегодня разговаривала с Викой?

Я удивилась.

— Откуда ты знаешь?

— Видел вас на дорожке.

— Ты опять за мной наблюдаешь?

— Не льсти себе. Я шёл мимо.

— Конечно.

Он улыбнулся.

— И как прошло?

Я задумалась.

— Не знаю.

— Хороший ответ.

— Она сказала, что пока не знает, как ей здесь.

Дима кивнул, словно понял что-то важное.

— Значит, не всё так просто.

— А ты ожидал, что будет просто?

— Нет. Но иногда люди удивляют.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но в этот момент из комнаты выглянула Аня.

— Ксюша! Отбой через две минуты!

— Иду!

Я снова повернулась к Диме.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, Ксюш.

Я уже поднялась на несколько ступенек, когда он добавил:

— И не пытайся решить всё за один вечер.

Я посмотрела на него через плечо.

— А если мне хочется?

— Тогда хотя бы не забывай спать.

Я рассмеялась и скрылась за дверью.

В комнате было темно. Аня уже лежала в кровати, Соня что-то тихо печатала в телефоне.

Я переоделась, забралась под одеяло и достала дневник.

Сегодня я не стала писать о фотографии.

Не записала ни одной новой догадки.

Вместо этого вывела несколько строк:

«Сегодня мы с Викой разговаривали.

Всего несколько минут. Ничего не выяснили, ни о чём не договорились, ничего не исправили.

Но она сказала, что не знает, как ей здесь.

И я впервые подумала, что, возможно, она тоже приехала сюда не только ради новой смены.

Возможно, она тоже пытается понять, что делать с прошлым.

Я пока не знаю, смогу ли когда-нибудь спросить её обо всём.

Но сегодня я впервые не захотела убежать от этого разговора».

Я закрыла дневник.

За окном шумели деревья. Где-то в коридоре прошли вожатые, проверяя, все ли легли спать.

До отбоя оставалась, наверное, минута.

Я уже собиралась убрать дневник под подушку, когда заметила, что экран телефона коротко вспыхнул.

Пришло сообщение.

От незнакомого номера.

Всего одна строка:

«Не пытайся узнать, что было тогда. Ты не знаешь всей истории».

Я перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

Номер не был сохранён в контактах.

Я не знала, кто его отправил.

Но почему-то была уверена: человек, написавший это, знал, что я начала задавать вопросы.

И теперь пытался заставить меня остановиться.

Глава 7. Мы ведь были счастливы

Я не спала почти всю ночь.

Точнее, пыталась. Закрывала глаза, переворачивалась на другой бок, считала минуты до подъёма и убеждала себя, что незнакомый номер — это, скорее всего, чья-то глупая шутка.

Но стоило мне почти успокоиться, как в голове снова появлялось сообщение.

«Не пытайся узнать, что было тогда. Ты не знаешь всей истории».

Я открыла его в третий раз.

Номер по-прежнему ничего мне не говорил.

Я проверила, нет ли фотографии профиля, имени или хотя бы какой-нибудь подсказки. Ничего. Просто цифры, собранные в случайную последовательность.

Можно было ответить.

Можно было написать: «Кто это?» или «Что ты знаешь?»

Но я не стала.

Почему-то мне казалось, что отправитель именно этого и ждёт. Что если я отвечу, то покажу, насколько сильно меня задели его слова.

Я выключила экран и положила телефон на тумбочку.

— Если ты сейчас опять проверяешь время, я тебя укушу, — пробормотала Аня с соседней кровати.

Я замерла.

— Ты не спишь?

— Уже нет.

— Прости.

— Ксюш, который час?

Я посмотрела на экран.

— Два семнадцать.

Аня медленно повернулась ко мне.

— Ты понимаешь, что через несколько часов у нас подъём?

— Да.

— Ты понимаешь, что если не поспишь, то завтра будешь выглядеть как человек, который три недели провёл в подвале?

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста. А теперь убери телефон.

Я подчинилась.

Через минуту Аня снова заговорила:

— Что случилось?

Я молчала.

— Ксюш, я не требую отчёта. Просто спрашиваю.

Я вздохнула и рассказала ей про сообщение.

Аня окончательно проснулась.

— Подожди. Тебе написал неизвестный человек и сказал не узнавать, что произошло раньше?

— Да.

— И ты не знаешь, кто это?

— Нет.

— А номер нигде не встречался?

— Не помню.

Аня несколько секунд молчала.

— Может быть, это кто-то из ребят?

— Может быть.

— Или кто-то, кто был здесь в прошлую смену.

Я посмотрела в потолок.

— Вот именно.

— А ты уверена, что сообщение связано с Викой?

Я хотела ответить сразу, но остановилась.

Не была уверена.

В последние дни всё, что я замечала, постепенно превращалось в одну большую историю. Старая фотография, надпись на обратной стороне, странные разговоры, молчание Вики, теперь ещё и сообщение.

Но что, если я соединяла вещи, которые на самом деле никак не были связаны?

— Не уверена, — сказала я.

— Тогда не делай поспешных выводов. И, пожалуйста, не начинай ночью писать всем подряд.

— Я не собиралась.

— Ты уже открыла переписку с Викой?

Я замолчала.

Аня тяжело вздохнула.

— Спи, детектив.

— Спокойной ночи.

— Уже почти утро.

Я отвернулась к стене.

На этот раз телефон я больше не проверяла.

Но уснула далеко не сразу.

* * *

Утро встретило меня ощущением, будто я всю ночь разгружала вагоны.

Аня, напротив, выглядела бодрой и довольной жизнью. Это было несправедливо.

— Как ты можешь так выглядеть после пяти часов сна? — спросила я, пытаясь найти вторую пару носков.

— Генетика.

— Ненавижу генетику.

— Ты же биологию любишь.

— Сегодня я пересмотрела свои взгляды.

Соня рассмеялась, застёгивая рюкзак.

— Девочки, вы готовы? Если опоздаем, Денис заставит нас помогать с оформлением площадки.

— Уже бегу, — ответила Аня.

Я последней вышла из комнаты, на ходу убирая волосы в хвост.

На лестнице меня ждал Дима.

— Доброе утро, — сказал он.

— Спорное утверждение.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ты вообще спала?

— Конечно.

— Сколько?

— Достаточно.

— То есть нет.

Я прошла мимо него.

— У тебя слишком много вопросов.

— А у тебя слишком плохая ложь.

Я остановилась.

— Дима, ты всегда такой внимательный или это какая-то специальная программа?

— Я бы сказал, что это талант.

— А я бы сказала, что тебе нужно найти себе занятие.

— Я нашёл.

— И какое?

Он улыбнулся.

— Раздражать тебя.

Я покачала головой и пошла дальше.

Но через несколько секунд услышала его шаги рядом.

— Ладно, серьёзно. Что-то случилось?

Я посмотрела на него.

Можно было рассказать. Хотя бы часть.

Но я не знала, как он отреагирует. Мы знакомы всего несколько дней, и я не хотела превращать наши разговоры в бесконечные обсуждения моих проблем.

— Просто плохо спала.

Дима кивнул.

— Бывает.

Он не стал задавать новых вопросов.

И почему-то именно это заставило меня почувствовать себя немного виноватой за то, что я ему не доверилась.

* * *

После завтрака нас отправили помогать с подготовкой к общему мероприятию.

Работы оказалось много. Нужно было перенести реквизит, развесить фотографии, проверить музыку и привести в порядок площадку.

Я вызвалась помочь Соне с фотографиями.

Во-первых, это действительно требовалось сделать.

Во-вторых, я надеялась, что среди снимков найду что-нибудь ещё.

Соня достала из папки целую стопку распечатанных фотографий.

— Вот эти можно повесить на стенд, — сказала она. — Здесь море, здесь отряд, здесь какие-то соревнования. А вот эту я вообще не помню.

Она протянула мне снимок.

На нём были несколько ребят, стоявших возле корпуса. Кто-то показывал в камеру смешной жест, кто-то щурился от солнца.

Я узнала себя почти сразу.

И Вику тоже.

Мы стояли рядом, как обычно. Я держала в руках бутылку воды, а Вика что-то рассказывала мне, смеясь.

Я улыбнулась.

На фотографии мы выглядели такими обычными.

Никаких секретов. Никаких подозрений. Никаких недосказанностей.

Просто две подруги, которые приехали в лагерь и были уверены, что впереди у них ещё много времени.

— Ты чего? — спросила Соня.

Я не сразу поняла, что всё ещё улыбаюсь.

— Ничего. Просто вспомнила кое-что.

— Хорошее?

Я посмотрела на снимок.

— Да.

И это было правдой.

Воспоминания о Вике не всегда причиняли боль. Иногда они были тёплыми, почти уютными. Я помнила, как мы могли разговаривать до отбоя, как делились едой, как придумывали планы на следующую смену.

Помнила, как однажды мы заблудились на территории лагеря, хотя обе уверяли, что отлично знаем дорогу.

Помнила, как Вика смеялась над моей шуткой, которую никто другой даже не понял.

И ещё помнила, как она однажды сняла с шеи маленький кулон в форме звезды и положила мне на ладонь.

«Если потеряемся — найдёмся под одним небом».

Тогда это казалось красивой фразой.

Теперь — обещанием, которое мы обе не сумели выполнить.

— Вы правда были очень близки? — спросила Соня.

Я кивнула.

— Да.

— А можно спросить, что произошло?

Я положила фотографию на стол.

— Можно.

Соня подождала.

— Но я не знаю, как ответить, — добавила я.

Она ничего не сказала.

Я была благодарна ей за это.

Потому что впервые за долгое время мне не хотелось придумывать красивую версию событий. Я не хотела говорить, что мы просто выросли, перестали понимать друг друга или нашли новых друзей.

Это было бы слишком просто.

Мы не перестали дружить за один день.

Мы постепенно перестали разговаривать честно.

И, кажется, именно это оказалось самым страшным.

* * *

К обеду стенд был готов.

Соня ушла помогать Полине, а я осталась убрать оставшиеся фотографии в папку.

Одна из них зацепилась за край стола и упала на пол.

Я наклонилась, подняла её и перевернула, чтобы убрать вместе с остальными.

На обратной стороне была надпись.

Не та, которую я уже видела.

Другая.

Почерк показался мне знакомым, но я не могла понять почему.

«Если она спросит — скажи, что ничего не знаешь».

Я застыла.

В комнате было шумно. Кто-то смеялся в коридоре, Денис просил ребят не таскать реквизит через всю площадку, а из соседнего помещения доносилась музыка.

Но я почти ничего не слышала.

Я смотрела на эти слова.

Снова «она».

Снова просьба что-то скрыть.

Снова фотография, которая, казалось, хранила больше, чем просто воспоминание.

Я перевернула снимок.

На лицевой стороне стояли Артём, Кирилл, Егор и ещё несколько ребят. Вика тоже была там, чуть в стороне от остальных.

Меня на этой фотографии не было.

Я не помнила этот день.

Не помнила, чтобы видела этот снимок раньше.

И самое странное — надпись выглядела свежей по срав-

нению с выцветшей бумагой. Чернила были темнее, буквы отчётливее.

Я провела пальцем по краю фотографии.

Это могло означать что угодно.

Но после ночного сообщения я уже не могла считать всё происходящее случайностью.

— Ксюш?

Я вздрогнула и обернулась.

Артём стоял в дверях.

— Ты чего там нашла?

Я быстро перевернула фотографию надписью вниз.

— Ничего.

Он посмотрел на меня, затем на снимок в моей руке.

— Это старая фотография?

— Похоже на то.

— Можно посмотреть?

Я замешкалась.

Артём заметил это.

— Что-то не так?

Я могла сказать ему правду. Могла показать надпись и спросить, знает ли он, кто её написал.

Но слова Егора снова прозвучали в памяти.

Не все, кто молчал тогда, молчали по одной и той же причине.

Я не знала, что имел в виду Егор.

И не знала, можно ли доверять Артёму.

Поэтому просто убрала фотографию в папку.

— Нам пора, — сказала я. — Денис просил закончить до обеда.

Артём нахмурился, но спорить не стал.

— Ладно.

Он вышел первым.

Я подождала несколько секунд, а потом достала фотографию снова.

На этот раз я внимательно рассмотрела всех, кто был на снимке.

Артём.

Кирилл.

Егор.

Вика.

И ещё один человек, которого я не смогла узнать.

Он стоял почти за всеми остальными, поэтому его лицо было видно лишь частично.

Я не знала, кто это.

Но почему-то мне казалось, что именно этот человек мог объяснить, что означают все надписи.

* * *

Вечером я решила найти Вику.

Не для того, чтобы расспрашивать её о фотографиях. Не для того, чтобы требовать объяснений.

Мне просто хотелось поговорить.

По-настоящему.

Я нашла её возле корпуса. Она сидела на ступеньках и переписывалась с кем-то в телефоне.

Когда я подошла, Вика подняла голову.

— Привет.

— Привет.

Я села рядом, оставив между нами небольшое расстояние.

Несколько секунд мы молчали.

Потом я сказала:

— Помнишь, как мы в прошлую смену заблудились по дороге к корпусу?

Вика удивлённо посмотрела на меня.

— Когда ты убеждала меня, что знаешь короткую дорогу?

— Я действительно думала, что знаю.

— Мы в итоге вышли к совершенно другому корпусу.

— Зато увидели красивый закат.

Вика улыбнулась.

— И чуть не опоздали на ужин.

— Но не опоздали же.

— Потому что я заставила тебя бежать.

— Ты сама бежала быстрее меня!

Мы засмеялись.

Совсем недолго.

Но это был настоящий смех. Не вежливая улыбка и не попытка скрыть неловкость.

На несколько секунд мы снова стали похожи на тех девочек с фотографий.

А потом Вика замолчала.

Её улыбка постепенно исчезла.

— Я скучала по этому, — сказала она.

Я повернулась к ней.

— По чему?

Вика посмотрела на свои руки.

— По тому, как мы раньше разговаривали.

Я почувствовала, как к горлу подступил ком.

— Я тоже.

Она кивнула.

— Знаешь, я иногда вспоминаю те дни и думаю, что мы обе могли сделать что-то иначе.

— Например?

Вика долго не отвечала.

Я уже решила, что она не продолжит, когда она наконец произнесла:

— Не знаю. Может быть, стоило раньше поговорить.

Я посмотрела на неё.

— Почему мы не поговорили?

Вика подняла глаза.

В них было столько всего, что я не смогла разобрать ни одного чувства.

— Потому что я думала, что ты уже всё решила.

Я нахмурилась.

— Что решила?

Она словно испугалась собственных слов.

— Ничего. Забудь.

— Вика…

— Ксюш, пожалуйста. Я не готова сейчас.

Я замолчала.

Мне хотелось настаивать. Хотелось спросить, что именно она имела в виду, почему решила, что я что-то решила, и что произошло между тем последним нормальным разговором и нашим молчанием.

Но я вспомнила, как сама несколько раз отступала, когда Вика пыталась заговорить.

Как ждала от неё первого шага, одновременно боясь сделать свой.

И поэтому просто кивнула.

— Хорошо.

Вика посмотрела на меня с благодарностью.

Мы ещё немного посидели рядом, вспоминая смешные моменты прошлых смен.

Не всё было легко. Иногда разговор останавливался, иногда мы обе начинали говорить одновременно, а потом замолкали.

Но сегодня это уже не казалось провалом.

Когда я наконец поднялась, Вика тихо сказала:

— Ксюш?

— Да?

— Я правда не хотела, чтобы всё закончилось именно так.

Я замерла.

Это была не просьба о прощении. Не объяснение. Не ответ на все мои вопросы.

Но это было первое, что она сказала о нашем прошлом без попытки спрятаться за словом «нормально».

— Я тоже, — ответила я.

И на этот раз мы обе понимали, что говорим правду.

* * *

Перед сном я открыла дневник.

Сегодня у меня было слишком много мыслей, чтобы просто лечь и забыть обо всём до утра.

Я записала:

«Сегодня я вспомнила, какими мы с Викой были раньше.

Мы смеялись над глупостями, спорили о том, куда пойти, и были уверены, что ничего не сможет нас разлучить.

Наверное, поэтому мне так трудно принять, что мы действительно потеряли друг друга.

Но сегодня Вика сказала, что не хотела, чтобы всё закончилось именно так.

Я не знаю, что она имела в виду. Не знаю, что произошло тогда и почему кто-то до сих пор просит меня не задавать вопросов.

Но впервые мне кажется, что мы обе хотим понять, что случилось.

И, возможно, этого достаточно, чтобы начать».

Я закрыла дневник.

Потом достала обе фотографии и положила их рядом.

На одной было написано: «Не рассказывай ей».

На другой: «Если она спросит — скажи, что ничего не знаешь».

Две разные фотографии.

Две похожие фразы.

И одно и то же неизвестное «она».

Я выключила свет.

Завтра я собиралась поговорить с Артёмом.

Не обвинять его. Не требовать ответов.

Просто спросить, откуда у него эти фотографии.

И, возможно, впервые за всё это время я была готова услышать ответ, даже если он окажется совсем не таким, каким я его представляла.

Глава 8. Чужая переписка

Утром я решила, что сегодня обязательно поговорю с Артёмом.

Не потому, что верила в его виновность. Я вообще уже не была уверена, что в этой истории можно кого-то назвать виноватым, не зная всех обстоятельств. Просто фотографии оказались у него, на обороте были странные надписи, а сам он каждый раз появлялся именно тогда, когда мне казалось, что я наконец-то нашла какую-то зацепку.

Слишком много совпадений.

Хотя, если подумать, в «Орлёнке» совпадения случались постоянно. Ты мог встретить человека, с которым познакомился три года назад, случайно оказаться с ним в одной команде и выяснить, что у вас до сих пор сохранилась общая фотография. Здесь вообще было сложно что-то забыть: лагерь словно собирал людей по кругу, а потом снова сталкивал их друг с другом.

Вопрос заключался в том, почему некоторые встречи хотелось пережить заново, а другие — отменить.

— Ты собираешься завтракать или будешь весь день смотреть на свои кроссовки? — спросила Аня.

Я опустила взгляд.

Я действительно стояла посреди комнаты и смотрела на собственную обувь.

— Я думаю.

— Это я заметила. Ты даже вчера думала с таким лицом, будто собиралась раскрыть международный заговор.

— Очень смешно.

— Я старалась.

Соня сидела на кровати, заплетая волосы в косу. Рядом с ней лежал телефон, на экране которого мелькали фотографии.

— Кстати, Ксюш, — сказала она, не поднимая головы. — Ты вчера просила посмотреть старые снимки?

Я сразу повернулась к ней.

— Какие?

— Ну, фотографии из прошлых смен. Я нашла ещё одну папку. Там вообще всё вперемешку: отряды, мероприятия, какие-то вечерние посиделки. Кажется, половину я сама снимала.

— Можно посмотреть?

Соня протянула мне телефон.

Я села рядом.

На экране открылась галерея. Фотографии сменяли друг друга: ребята на сцене, кто-то с гитарой, общий снимок у корпуса, смешные селфи, размытые кадры с вечерних мероприятий.

Я листала медленно, внимательно всматриваясь в лица.

Некоторых помнила сразу. Других узнавала только после нескольких секунд. А иногда казалось, что лицо знакомое, но

стоило попытаться вспомнить имя, как в голове оставалась пустота.

На одной фотографии Артём стоял возле сцены с бумажным стаканчиком в руке. На другой Кирилл пытался удержать сразу три мяча. На третьей Егор сидел на ступеньках рядом с кем-то, чьё лицо оказалось закрыто чужим плечом.

— Стой, — попросила я.

Соня остановила прокрутку.

На экране была фотография, сделанная вечером. Несколько ребят сидели на деревянных ступеньках возле корпуса. Свет фонарей делал всё немного жёлтым, а дальние лица почти терялись в темноте.

Я узнала Вику.

Она сидела с краю, поджав под себя одну ногу. Рядом с ней была Алиса. Чуть дальше — Артём и Кирилл.

А за ними, почти у самого края кадра, стоял Егор.

Но смотрел он не в камеру.

Он смотрел куда-то в сторону.

На меня.

По крайней мере, так показалось.

— Когда это снято? — спросила я.

— Не помню. Кажется, прошлым летом. Или ещё раньше. У меня даты иногда сбиваются, когда я перекидываю фотографии.

— А кто снимал?

— Наверное, я.

— Ты не уверена?

Соня посмотрела на меня.

— Ксюша, это фотография. Не протокол допроса.

— Я просто спрашиваю.

— Я просто отвечаю.

Она забрала телефон и пролистнула дальше.

Я не стала спорить. Но изображение уже отпечаталось в памяти.

Егор смотрел на меня.

Или мне опять хотелось увидеть то, чего на самом деле не было.

* * *

После завтрака у нас было общее мероприятие на площади. Нужно было разделиться на команды, придумать короткое представление своего отряда и подготовить небольшую сценку. Ничего особенно сложного, если не считать того, что Дима с самого начала решил: руководить процессом будет он.

— Итак, — объявил он, хлопнув в ладоши. — У нас есть двадцать минут, чтобы придумать что-нибудь гениальное.

— А если мы не хотим гениальное? — спросила Полина.

— Тогда что-нибудь хотя бы не позорное.

— Начни с себя, — посоветовал Кирилл.

— Я уже начал. Моё присутствие повышает средний уровень нашей команды.

— Самооценка точно повышает, — заметила Аня.

Я невольно улыбнулась.

Вокруг нас спорили, предлагали идеи, перебивали друг друга. Соня пыталась записывать варианты, но каждые несколько секунд кто-нибудь менял решение. Егор предложил сделать сценку про первый день в лагере. Кирилл заявил, что это слишком очевидно. Полина предложила пародию на вожатых, после чего мы все одновременно посмотрели в сторону Леры и Дениса.

— Даже не думайте, — предупредил Денис, проходя мимо.

— Мы ничего не делаем! — слишком быстро ответил Дима.

— Вот это меня и беспокоит.

Все засмеялись.

На несколько минут я почти забыла о фотографиях, надписях и сообщении с неизвестного номера.

Почти.

Потом я заметила Артёма.

Он стоял чуть поодаль, разговаривая с Алисой. Она что-то показывала ему на экране телефона, а он внимательно слушал. Когда Алиса убрала телефон, Артём оглянулся и встретился со мной взглядом.

Я не отвела глаза.

Он тоже.

Но первым отвернулся именно он.

— Ты опять за своим? — тихо спросил Дима.

— За каким?

— За взглядом человека, который мысленно уже написал заявление в прокуратуру.

— Ты всегда такой раздражающий?

— Только когда волнуюсь за окружающих.

Я повернулась к нему.

— Ты волнуешься за окружающих?

— Иногда. Когда они выглядят так, будто сейчас начнут выяснять отношения с половиной лагеря.

— Я не собираюсь выяснять отношения с половиной лагеря.

— Хорошо. Значит, только с четвертью.

Я хотела ответить, но рассмеялась.

Дима довольно кивнул.

— Вот. Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты хотя бы на секунду перестала думать о чём-то ужасно важном.

Он сказал это без насмешки.

И почему-то именно поэтому я не нашлась с ответом.

* * *

После мероприятия у нас появилось немного свободного времени перед обедом.

Я нашла Артёма возле корпуса. Он сидел на низком ограждении, листая что-то в телефоне.

— Нам нужно поговорить, — сказала я.

Он поднял голову.

— Звучит угрожающе.

— Это не угроза.

— Тогда звучит ещё хуже.

Я скрестила руки на груди.

— Откуда у тебя старые фотографии?

Артём перестал улыбаться.

Всего на секунду, но я заметила.

— Какие фотографии?

— Те, которые ты отправлял в общий чат. Где я и Вика. И ещё несколько снимков, которые я нашла у Сони.

Он убрал телефон в карман.

— У многих остались старые фотографии.

— Я знаю. Но почему они у тебя?

— Потому что я их сохранял.

— Зачем?

Артём посмотрел на меня так, будто я задала вопрос, на который не существовало нормального ответа.

— Потому что мне нравились эти смены. Потому что там были мои друзья. Потому что фотографии помогают помнить хорошие вещи.

— А плохие?

Он отвёл взгляд.

— Плохие тоже.

Несколько секунд мы молчали.

Я достала из кармана сложенную фотографию. Ту самую,

на обороте которой было написано: «Не рассказывай ей».

— Ты видел это?

Артём посмотрел на надпись.

Его лицо изменилось.

Он не испугался и не удивился так, как удивляются люди, впервые увидевшие что-то странное. Скорее, он устал. Будто эта маленькая фраза напомнила ему о разговоре, который он давно пытался оставить в прошлом.

— Где ты это нашла? — спросил он.

— На фотографии. Логично, правда?

— Ксюша.

— Что?

— Не надо.

Я почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Не надо чего? Спрашивать? Пытаться понять, почему у меня сохранились фотографии с надписями, смысл которых никто не хочет объяснять?

— Ты не понимаешь, о чём говоришь.

— Так объясни.

Артём провёл рукой по волосам и посмотрел в сторону площади. Там ребята всё ещё спорили, кто будет играть главную роль в нашей сценке. Кирилл доказывал, что он идеально подходит на роль человека, который ничего не понимает, а Дима говорил, что это не роль, а его обычное состояние.

Обычная жизнь продолжалась буквально в нескольких метрах от нас.

А у меня было ощущение, будто я стою перед закрытой дверью и слышу за ней голоса.

— Эти фотографии не только у меня, — наконец сказал Артём.

— Я знаю.

— Нет. Ты не знаешь. Некоторые снимки пересылали друг другу. Кто-то сохранял их, кто-то удалял, кто-то отправлял дальше. Через год уже никто не помнил, откуда что взялось.

— А надписи?

Он снова посмотрел на фотографию.

— Я не писал эту.

— А вторую?

— Какую вторую?

Я достала и второй снимок.

На его обороте было написано: «Если она спросит — скажи, что ничего не знаешь».

Артём долго молчал.

— Ты понимаешь, что это выглядит подозрительно? — спросила я.

— Понимаю.

— И всё равно не хочешь ничего рассказывать?

— Я не хочу рассказывать то, в чём сам не уверен.

Это прозвучало неожиданно.

Не как попытка отговориться. Скорее, как признание, которое далось ему нелегко.

— Ты знаешь, кто написал эти слова?

— Нет.

— Но догадываешься?

Артём поднялся.

— Ксюша, есть вещи, которые в памяти выглядят гораздо понятнее, чем были на самом деле. А когда начинаешь собирать их заново, можно случайно придумать связь между тем, что вообще не связано.

Я вспомнила слова Ани.

Не превращай каждую деталь в доказательство.

— Тогда почему ты не можешь просто рассказать, что помнишь?

— Потому что я помню не всё.

— Никто не помнит всё.

— Вот именно.

Он собрался уходить, но я остановила его вопросом:

— Анонимное сообщение тоже связано с фотографиями?

Артём замер.

Впервые за весь разговор он посмотрел на меня по-настоящему внимательно.

— Какое сообщение?

Я рассказала ему о ночном уведомлении. Не показала переписку — её у меня всё равно не было, только текст. Просто произнесла слова вслух.

«Не пытайся узнать, что было тогда. Ты не знаешь всей истории».

Артём медленно выдохнул.

— Тебе лучше не делать поспешных выводов.

— Это всё, что ты можешь сказать?

— Пока да.

— Почему?

Он помолчал, а потом ответил:

— Потому что я не хочу, чтобы ты снова потеряла кого-то из-за того, что решила всё за другого человека.

Я застыла.

— Что ты имеешь в виду?

Но Артём уже уходил.

— Артём!

Он не обернулся.

Я осталась одна с двумя фотографиями в руках и новым вопросом, который оказался намного неприятнее предыдущих.

Что именно он имел в виду под словом «снова»?

* * *

За обедом я почти не разговаривала.

Аня заметила это первой, Соня — второй, а Дима, судя по всему, решил, что у него есть право комментировать моё настроение независимо от обстоятельств.

— У тебя сегодня рекорд, — сказал он, садясь напротив.

— Какой ещё рекорд?

— Ты за последние десять минут сказала целых три слова.

— Поздравляю с наблюдательностью.

— Спасибо. Я много тренировался.

Он придвинул к себе стакан с компотом.

— Ну? Что случилось?

— Ничего.

Дима посмотрел на меня.

— Это самое подозрительное «ничего», которое я слышал.

— Ты знаком с очень странными людьми.

— Я сейчас с одной из них разговариваю.

Я закатила глаза.

Аня, сидевшая рядом, тихо засмеялась.

— Не дави на неё, Дим.

— Я не давлю. Я проявляю дружеское любопытство.

— Ты проявляешь любопытство ко всему, что не касается тебя, — сказала я.

— Неправда. Иногда я ещё интересуюсь едой.

Я всё-таки улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

Мне хотелось рассказать ему об Артёме. О надписях. О сообщении. О странном выражении лица, которое появилось у Артёма, когда я произнесла последние слова.

Но я не знала, насколько можно ему доверять.

Мы были знакомы всего несколько дней. Он умел замечать то, что я пыталась скрыть, и иногда говорил вещи, которые почему-то оставались у меня в голове надолго. Но это ещё не означало, что я должна посвящать его в историю, которую сама понимала всё меньше.

— Просто вспомнила кое-что неприятное, — сказала я.

Дима не стал шутить.

— Из-за Вики?

Я подняла на него глаза.

— Почему ты так решил?

— Потому что, когда ты смотришь на неё, у тебя такое лицо, будто ты хочешь одновременно подойти к ней и убежать на другой конец лагеря.

Я опустила взгляд на тарелку.

— Возможно.

— Вы сильно поссорились?

— Я не знаю.

— Как это — не знаешь?

— Иногда люди перестают общаться не в один конкретный момент. Просто сначала что-то происходит, потом вы перестаёте рассказывать друг другу о мелочах, потом начинаете думать, что другой человек больше не хочет тебя слушать. А потом проходит время, и ты уже не понимаешь, с чего всё началось.

Дима внимательно слушал.

— И ты не пыталась спросить её?

— Пыталась. Но мы обе говорим так, будто боимся произнести что-то лишнее.

— Может, вы обе ждёте, что первая заговорит другая.

Я посмотрела на него.

— Ты всегда даёшь такие простые советы?

— Нет. Иногда я даю ужасные.

— А этот?

— Не знаю. Проверишь — расскажешь.

Он поднялся, забрал поднос и, прежде чем уйти, добавил:

— Только не пытайся угадать за неё, что она думает. Это обычно заканчивается плохо.

Я проводила его взглядом.

В последнее время слишком многие люди говорили мне почти одно и то же.

Не делай выводов.

Не угадывай.

Не решай за других.

Странно было слышать это от людей, которые сами не собирались ничего объяснять.

* * *

Вечером Соня предложила разобрать фотографии для общего альбома отряда.

— Нужно выбрать самые смешные, самые красивые и самые позорные, — объяснила она. — Последняя категория обязательна. Иначе альбом получится неправдоподобным.

Мы устроились в комнате. Аня сортировала снимки, Полина спорила с ней из-за того, на какой фотографии у неё лучше получились волосы, а я сидела у окна и смотрела, как за стеклом постепенно темнеет небо.

Телефон завибрировал.

Я вздрогнула и тут же разозлилась на себя за эту реакцию.

Пришло сообщение от незнакомого номера.

«Ты уже спросила Артёма?»

Я перечитала его несколько раз.

Потом набрала:

«Кто это?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Это неважно».

Я сжала телефон.

«Для меня важно».

Три точки появились на экране, исчезли, потом возникли снова.

Наконец пришло новое сообщение:

«Тогда спроси у него, что случилось после той фотографии».

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

После какой фотографии?

Той, где мы с Викой?

Той, где сидели Артём, Кирилл и Егор?

Или той, которую я ещё не видела?

Я быстро написала:

«Какой именно?»

На этот раз ответа не было.

Я ждала минуту. Потом ещё одну.

Ничего.

— Ксюш, — позвала Соня. — Ты можешь посмотреть, какие фотографии оставить? Ты же половину людей знаешь.

Я подняла голову.

— Да. Сейчас.

Я убрала телефон в карман и заставила себя вернуться к альбому.

Но мысли уже были далеко.

После той фотографии.

Эти слова звучали так, будто существовал какой-то конкретный момент, который я должна была вспомнить. Момент, после которого всё изменилось.

Я попыталась восстановить последовательность событий.

Смена.

Фотографии.

Вика.

Разговоры, о которых я помнила лишь отдельные фразы.

И потом — тишина.

Может быть, именно в этом и заключалась проблема. Я всё время пыталась найти один момент, когда наша дружба сломалась. Одну фразу, одно сообщение, один поступок, после которого всё стало другим.

Но что, если такого момента не было?

Что, если мы просто постепенно перестали понимать друг друга, а потом каждая придумала собственное объяснение чужому молчанию?

Я посмотрела на фотографию, лежавшую передо мной.

На ней мы с Викой смеялись.

Я помнила этот день. Помнила, как мы пытались сделать нормальный снимок, но каждый раз кто-нибудь закрывал

глаза или отворачивался. Помнила, как Вика сказала, что обязательно распечатает лучшую фотографию и сохранит её.

И помнила, что она действительно сохранила.

Только я не знала, почему теперь у меня оставались лишь обрывки того, что когда-то казалось целой историей.

— Ты чего так смотришь? — спросила Аня.

Я не сразу ответила.

— Как думаешь, можно помнить один и тот же день совершенно по-разному?

Она отложила фотографии.

— Конечно.

— Даже если вы провели его вместе?

— Особенно если провели вместе. Каждый замечает что-то своё.

Я посмотрела на неё.

— А если один человек уверен, что его предали, а другой даже не понимает, что произошло?

Аня задумалась.

— Тогда, наверное, им нужно поговорить.

— А если уже слишком поздно?

— Ты правда думаешь, что для разговора может быть слишком поздно?

Я не знала.

Наверное, раньше ответила бы уверенно. Сказала бы, что некоторые вещи невозможно исправить, что есть слова, после которых люди уже не становятся прежними.

Но теперь я всё чаще вспоминала, как Вика смотрела на меня возле корпуса.

«Я правда не хотела, чтобы всё закончилось именно так».

Она не сказала, что не хотела, чтобы всё закончилось.

Она сказала — именно так.

Будто существовало другое окончание. Такое, о котором мы обе когда-то мечтали, но ни одна не смогла к нему прийти.

Я достала из кармана кулон-звёздочку и сжала его в ладони.

«Если потеряемся — найдёмся под одним небом».

Когда-то эта фраза казалась обещанием.

Теперь я не знала, было ли это обещание нарушено или мы просто слишком долго искали друг друга не там.

Телефон снова завибрировал.

Я достала его так быстро, что Аня удивлённо посмотрела на меня.

Но это было не сообщение с незнакомого номера.

На экране появилось уведомление от Вики.

Вика: *Ты сегодня разговаривала с Артёмом?*

Я замерла.

Несколько секунд просто смотрела на экран, не веря, что она написала первой.

Потом набрала:

Я: *Да. Почему?*

Сообщение было прочитано.

Вика печатала долго. Я успела подумать, что она передумала, что сейчас всё исчезнет и мы снова вернёмся к коротким приветствиям и разговорам о погоде.

Но ответ всё-таки пришёл.

Вика: *Он не должен был показывать тебе эти фотографии.*

Я почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Я: *Он их мне не показывал. Я сама нашла.*

Вика прочитала сообщение.

Потом написала:

Вика: *Тогда, пожалуйста, не показывай их больше никому.*

Я набрала ответ, но не отправила.

Мне хотелось спросить, почему. Кто написал надписи. Что случилось после той фотографии. Почему она так долго молчала. Почему мы обе до сих пор говорили обрывками, словно каждое полное предложение могло окончательно разрушить то, что от нас осталось.

Вместо этого я написала только одно:

Я: *Ты знаешь, что там произошло?*

На этот раз ответ появился быстро.

Вика: *Я знаю, что помню.*

Я перечитала фразу.

Потом ещё раз.

Она не написала «я знаю, что произошло».

Она написала: «я знаю, что помню».

Я уже собиралась спросить, что это значит, когда пришло последнее сообщение.

Вика: *Но я не уверена, что ты помнишь то же самое.*

Я смотрела на экран, пока он не погас.

За окном окончательно стемнело. В комнате девочки продолжали выбирать фотографии, спорили, смеялись и пытались решить, какой снимок поставить первым.

А я впервые за всё время почувствовала, что, возможно, искала ответ не в тех местах.

Я пыталась выяснить, кто написал надписи на фотографиях.

Кто отправил анонимное сообщение.

Кто знал правду.

Но, кажется, главный вопрос был другим.

Что, если мы с Викой обе говорим правду — и всё равно не можем понять друг друга?

Глава 9. Слишком много совпадений

Я почти не спала.

Не потому, что боялась очередного сообщения с неизвестного номера. И даже не потому, что слова Вики продолжали крутиться в голове.

Хуже всего было другое: теперь у меня появилась возможность поговорить с ней по-настоящему, но я совершенно не понимала, с чего начать.

«Я знаю, что помню».

Как вообще можно ответить на такую фразу?

«А я не знаю, что помню»?

Возможно, это было бы честно.

Я лежала на кровати, глядя в потолок. За окном шумели деревья, где-то в коридоре раздавались голоса, а на соседней кровати Аня во сне пыталась натянуть одеяло на голову.

Телефон лежал рядом.

Я открыла переписку с Викой.

Последнее сообщение по-прежнему оставалось без ответа.

Я написала:

«Я не хочу с тобой ссориться».

Посмотрела на текст.

Удалили бы мы друг друга из друзей, если бы я отправила это сообщение? Нет, конечно. Это было глупо. Но мне почему-то казалось, что даже простые слова могут иметь последствия, которых я не предвижу.

Я стёрла сообщение.

Попробовала снова:

«Давай поговорим завтра?»

Это звучало лучше. Спокойно, без обвинений, без попытки вытащить из неё всю правду за один разговор.

Я нажала «Отправить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.